

Сергей Гришин

НА СЕВЕР!

Оптимистический постапокалипсис.
История вторая

Сергей Гришин

**На север! Оптимистический
постапокалипсис. История вторая**

«Издательские решения»

Гришин С.

На север! Оптимистический постапокалипсис. История вторая /
С. Гришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501365-1

Со времени путешествия Ивана-царевича в поисках Василисы прошло не так уж много времени. И вот в небесах появляется корабль с драконом на носу. К чему бы это?

ISBN 978-5-00-501365-1

© Гришин С.
© Издательские решения

Содержание

На север	6
1	7
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	24
10	26
11	28
12	31
13	33
14	35
15	38
16	40
17	43
18	45
19	48
20	51
Небесный тихоход	53
1	54
2	56
3	58
4	61
5	64
6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

На север! Оптимистический постапокалипсис. История вторая

Сергей Гришин

© Сергей Гришин, 2019

ISBN 978-5-0050-1365-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На север

1

Первыми проснулись мухи. Лишь только начало светать, эти маленькие мохнатые чудовища, бодро жужжа, принялись топтать меня, точно стадо коров, выпущенное на луг после зимнего застоя. И если танцы на простыне не вызывали желания размазать наглых плясунов до толщины, несоизмеримой с жизнью, то щекотание лапками носа бесило жутко. Я, признаться, пожалел, что не обладаю лягушачьими охотничьими способностями и липким снайперским языком. Хотя, муху в рот? Фу, гадость!

В результате этим жутким монстрам удалось загнать сонного меня с головой под простыню. Ещё какое-то время я слышал, как они совершают над горой, в недрах коих покоилось моё сонное тельце, свои головокружительные пируэты, временами врезаясь в оконное стекло. Потом то ли мухи устали, то ли я закемарил, но мушиный шум перестал меня беспокоить.

Только я вновь начал проваливаться в сладкие объятия Морфея, как затараторили сороки. Они стрекотали столь упоённо, что я ни мгновения не сомневался в скором получении от своего ушастого переводчика полного и подробного отчёта об утренних крылатых новостях. Не знаю, с чего уж Ницше решил уделять им своё драгоценное время. То ли заняться ему не чем, то ли он действительно проникся своей ролью соглядатая в мире зверья. И хорошо, если свой доклад ослик совершит после завтрака, когда я навещу его на конюшне. Этот неугомонный ведь может...

Ну, точно. Копытца дробно простучали по доскам пола. Дверь скрипнула и ударилась о стену, распахнутая лёгким ударом моего четвероногого друга.

– Иван! – заорал с порога Ницше. – Срочные новости!

Подушка, брошенная на звук его голоса, цели, судя по всему, не достигла. Потому как после короткого дробного перестука копыт восторженная речь продолжилась уже гораздо громче, то есть, ближе к моему подпростынному убежищу.

– Как сообщают наши специальные корреспонденты, кошка Мурка, та, что живёт под усадьбой Отрыжкиных, родила котят. Трое чёрных, так что понятно, что Барсиковы. А вот кто папаша рыжего – об этом даже сороки не ведают.

– Бр-р-р-з-з, – недовольно оборвал докладчика я.

– Что, совсем не интересно?

– Хр-р-р...

– Ну, тогда более важная новость. На Недостроевской свалке выкинули большую партию каких-то странных блинов. Они, как говорят, синие, но жутко вкусные. С самого утра там творится нечто невообразимое – собаки, кошки, вороны, даже свиньи со всей округи сбегались попробовать. Их там столько собралось, что даже местные шаромыжники боятся приближаться. Мои пернатые источники тоже собрались всем кланом на это мероприятие... Надеюсь, эти блины не просрочены. Иначе возможна экологическая катастрофа. Может, сгоняем, попробуем?

– М-м-м-прст...

– Ну, нет так нет. Тогда последнее сообщение. По данным источников, близких к достоверным, на наших южных рубежах завелось Чудо-Юдо. Оно жрёт посевы репы и гоняет работников репостроительного хозяйства.

– Бртыдыштуту, – пробормотал я.

– Нет, Степану ещё не докладывал, – понял мои возражения ослик. – Но не могу же я, что называется, прыгать через голову. Хотя, – продолжил Ницше задумчиво, – я, конечно, и не такое могу.

– Хр-р-м-мм-ням-ням...

– Может и зашибить спросонья, – согласился ослик. – Если попадёт. У вас, двуногих, прицел после сна ещё настраивать надо. Но я всё равно решил не рисковать. Твои поправки на сон я уже знаю, а у него могут быть другие.

– Бу-бу-ззззззз...

– А вот это уже наглость! – возмутился Ницше. – Такого ты от меня требовать не имеешь права! Если бы здесь была Василиса, она бы тебе то же самое сказала!

– Хр-р-р...

– Ну, всё, Иван! Напросился! Ку-ка-ре-ку!!!

От этого вопля я тут же скатился с кровати, изрядно приложившись филейной частью об пол.

– Ну и зараза же ты, осёл, – пробормотал я, принимая вертикальное положение.

– Я не позволю замалчивать правду!

– Какую ещё правду? – с трудом разлепив глаза, я натянул на себя рубаху.

Услышать ответ мне не довелось. Послышались тяжёлые шаги, и в мою комнату, поигрывая тяжёлой сковородой, ворвалась Жанна:

– А ну, брысь отсюда, скотина невоспитанная!

Ницше совершил невероятный для осла прыжок и тут же очутился за дверью. Кухарка погрозила ему на прощанье своим оружием и пробурчала:

– Ходят тут с немытыми копытами!

– Спасибо, Жан, – я обнял её и искренне улыбнулся.

– Да чего там, – взмахнула кухарка своей мощной дланью. – Ты ж без присмотра остался. А когда мужик остаётся без присмотра, к нему не то что ослы, к нему козлы начинают ходить! Когда Василиска обещала вернуться из этой своей... экспедиции?

– Говорила, что на неделю уезжают, – пожал я плечами. – Бронислав Матвеевич, правда, не был столь уверен в сроках.

– Не дело это, – покачала головой Жанна. – Жена при муже должна быть.

– Она при отце. К тому же, он наш... хм... союз не считает законным.

– Чойта? – удивилась кухарка.

– У них наверху свои законы, – мне оставалось только развести руками. – Да и я, в целом, с ним согласен. Откровенно говоря, наша викторина и у меня вызывает большие сомнения.

Я имел в виду, разумеется, наш обычай выбора сезонной невесты для знати. Так называемую викторину «Добры молодцы», благодаря которой мы с Василисой и были объявлены царём-батюшкой мужем и женой. Никакой романтики.

– А чо ей надо? – проворчала Жанна. – Ты парень видный. Кроме того, завидный жених. Да и какие у этого Бронислава могут быть сомнения после того, через что ты прошёл ради Василиски?

Я примирительно улыбнулся.

– Ты за нас не переживай. Просто у нас прогрессивные отношения.

– Какие-какие? – кухарка выпучила на меня глаза.

– Не важно, – отмахнулся я. – Главное, что всё будет хорошо.

– Ну, ладно. Раз ты так говоришь, – Жанна развернулась к двери. – Пойду работать.

2

Я решил, что снова ложиться уже не стоит. Сходил до колодца, вляпавшись по пути в грушевую падаль. Умылся ледяной водой, разогнав остатки сна. Сел на лавке, соскрёб с подошвы левого сапога раздавленную грушу и огляделся.

Утро выдалось прекрасное. Даже несмотря на обилие развесёлых августовских мух, наслаждающихся последними своими вольными деньками. Рассветное солнце окрасило пушистые облака розовым, превратив пейзаж в нечто прекрасное, сказочное и требующее запечатления. Но художника у нас нет. А Василиса уволокла наш единственный гаджет, способный запечатлеть это чудо в цифровом виде. Согласен, ей в путешествии Ангелина пригодится. Но всё равно обидно.

Если кто вдруг забыл, или вовсе не знал, Ангелина – это навигатор с замечательным, хотя и искусственным, интеллектом. А ещё со скверным характером.

Кстати, по поводу характеров. Интересно, а куда ускакал мой собственный ушастый корреспондент?

В ответ на этот невысказанный вопрос из-за бани послышался знакомый голос, оравший на подозрительно знакомый мотив подозрительно странные слова:

Прыткий вуман улицей шустрит
Прыткий вуман выбрит и умыт
Прыткий вуман
Айда белить забор в жару
Как перст один я мух ловлю
Мурзик!

– Мурзик? – удивлённо спросил я, догнав непарнокопытного певца.

– Из песни слова не выкинешь! – ослик оскалил зубы в улыбке.

– Это где же ты такую странную песню услышал?

– У Парамоши. Когда гидом работал. Кстати, ты не знаешь, кто такой этот вуман?

– Не знаю, – я пожал плечами, – фамилия, наверно.

– Вроде Вассермана, Гусмана, или Бэтмана? – оживился Ницше.

– М-м-м... наверно. А кто все эти люди?

– О-о-о! – ослик закатил глаза, словно удивляясь моей неосведомлённости. – Как можно, Иван? – И с гордым видом процокал в сторону конюшни.

Я озадаченно потёр нос. Вассерман... Что-то знакомое... Кажется, что-то с древними героями-атлетами связано. В памяти всплыло словосочетание «реакция Вассермана». Точно. Наверняка, какой-нибудь боксёр, прославившийся молниеносной реакцией.

А Гусман? Что-то с гусями связано? Похоже, что так... Должно быть, прославился своей гусиной фермой. Или это он придумал паштет из гусиной печени?

А Бэтман тогда кто? Бэта, насколько я знаю, вторая буква в греческом алфавите. Так что Бэтман – второй человек? А кто тогда первый? Альфман? Не помню такого...

Ну, допустим. А Вуман?

Решив не гадать без толку, я решил спросить у самого Ницше хотя бы про троих первых и зашагал в сторону конюшни. Но, обойдя баню и миновав поруб и казармы, обнаружил ослика, вылетающего из дверей царских палат.

– Я буду жаловаться царю! – выкрикнул он.

Тут же в него полетел крупный помидор. Ницше отпрыгнул. Выругался, кажется, по-немецки. Лично я опознал что-то про Донора Ветра. Прочие слова оказались мне непонятны.

Тут ослик заметил меня и потрусил навстречу.

– Вот что вы, люди, за люди? – возмущённо проговорил он, приблизившись на десяток метров. – Я им новости сообщаю раньше всех, а они меня помидором!

– Так ты что, хотел прорваться к царю и сообщить о... синих пирогах? – усмехнулся я.

– Да там уж, поди, всё сожрали, – Ницше сделал попытку отмахнуться. – Я, может, и осёл, но не дурак. Меня больше Чудо-Юдо беспокоит.

– А-а, – протянул я. – Но ты же знаешь, у нас за эти дела Степан отвечает. Пойдём к нему.

– Не пойду, – упёрся ослик. – Он обещал меня прибить за уши к забору, если я ещё раз начну к нему приставать со всяким вздором.

Как я понимаю своего старшего брата! Наверняка, Ницше успел достать его своими чрезвычайными новостями о котятках, всяких отбросах и прочем важном мусоре.

– Ладно, пойдём вместе, если один боишься.

– Я уже предвижу, что он скажет, – вздохнул ослик. – «Неужели, Иван, ты веришь этому ушастому болтуну? Шлёпанцы Суворова!»

– Вполне возможно, – я согласно покивал головой. – Жаль, Ангелины сейчас здесь нет. А то бы посмотрели, что там, на репостроительном, творится.

Наша навигаторша каждый час получает информацию с каких-то там спутников, что порхают над планетой. Эта возможность сильно облегчила нам жизнь в прошлый раз, когда я искал свою похищенную жену. Но теперь она же и уволокла Ангелину с собой. Но это я уже упоминал.

– Ну, хорошо, – наконец, проговорил я. – Давай стоняем на разведку. Поглядим и расскажем Степану.

– Я боялся, что ты так скажешь, – вздохнул Ницше.

3

И вот мы уже пылим по дороге, ведущей к Чуднинскому репостроительному хозяйству. Ослик по привычке возмущается, что я его оседлал. Я же сохраняю каменное выражение лица и посматриваю из-под ладони на горизонт.

– Слушай, а кто всё-таки эти Вассерман, Гусман и Бэтман? – вдруг вспомнил я поставивший меня недавно в тупик вопрос.

– Откуда я знаю? – раздражённо отозвался Ницше.

– Ты же сам утверждал, что не знать их – верх тупости!

– Нет, Иван, я такого не говорил! Это ты уже сам после домыслил и сам себя обозвал. И вообще, я – простой осёл.

Я онемел. Это непарнокопытное меня развело, заставив почувствовать себя полным кретином!

– Но, откровенно говоря, – Ницше покосился на меня лукавым глазом, – однажды я слышал древнюю человеческую поговорку. «Самый умный из землян – это Толя Вассерман». Так, кажется.

– Хм, а я думал, что он боксёр, – хмыкнул я.

– С чего такое нелепое предположение?

– Когда-то слышал словосочетание «реакция Вассермана», – пояснил я. – Показалось, что для боксёра лучше всего подходит.

– Видимо, замечательный был человек. И умный, и сильный. Может, он ещё и красивый был? Хотя, нет. У людей так не бывает. Вот если бы он был осликом...

– А про остальных что-нибудь можешь сказать?

– Мне кажется, это персонажи древнего заокеанского эпоса... Как же его? Мурвел, что ли? Короче, в переводе с пиндосовского, один – человек-гусь, а второй – человек-кровать... нет, погоди, не кровать... летучий мыш, что ли?

– Ну, этого добра и у нас навалом было после Последней Войны, – я махнул рукой, сбивая на лету кружившую около нас уже несколько минут жирную муху. – Кстати, в той раболатории, откуда тебя Степан привёз, тоже были человек-паук и человек-муха. И, насколько я помню, ещё поросёнок по имени Эльф. Странное имя для свиньи, не находишь?

Ницше вдруг резко остановился.

– Что-нибудь случилось? – насторожился я. – Учужал кого?

– Ну, я и осёл! – вдруг воскликнул осёл.

– Я в курсе, – сообщил ему я. – А случилось-то чего?

– Вуман – это ж женщина по-английски! А я-то всё думал, о чём же песня? Думал, там о любви, а там опять про баб!

– Так ты ж её, вроде, по-нашински пел, – усомнился я. – Почему-то у тебя женщина получается мужского рода, да ещё и выбрита.

– Ну, я пел так, как запомнил. А вот почему я так запомнил – это уже другой вопрос.

– Кстати, бородатые женщины, как я читал, до Последней Войны были не столь уж редким явлением, – я напряг память, припоминая тонкий гляцевый журнал, попавшийся мне как-то в библиотеке князя Скопина. Там ещё была статья с изображением победительницы музыкального конкурса, чернявой тётки с растрёпанной бородой.

– Читаешь ты всякую гадость, – укорил меня Ницше. – Лучше бы что-нибудь из Ароза нашего Азорины вслух почитал. Он весёлый.

– Да я ничего наизусть не помню. А книжку Наташке вернул. Кстати, с автографом автора. Представляешь, как она обрадовалась?

– И когда это ты только успел у него автограф взять? Погоди-ка, – ослик вновь остановился. – Кажется, мы уже рядом.

Я слез со спины друга. Всмотрелся вдаль. За грудями развалин древних жилищ вился дымок. Явно не пожар. Скорее всего, жгут отходы производства.

– Вроде, всё спокойно. Но, в любом случае, надо подобраться поближе. Или хотя бы забраться повыше, – я посмотрел на проволочный каркас, снизу облепленный крошащимся от времени камнем, а выше поднимающийся заржавевшим скелетом.

Говорят, раньше так строили. Облепляли такую проволочную паутину каким-то раствором, и так всё выше и выше. Но мне, откровенно говоря, не верится. Из дерева, несомненно, надёжнее будет. Хотя, от этих древних людей и не того можно ожидать. Уж если у них бородатые бабы были.

Я подпрыгнул, ухватился за проволоку.

– Ты там поаккуратнее! – взволнованно воскликнул Ницше. – А то батута внизу нет. Если шмякнешься – я тебя не соберу.

Буркнув что-то невразумительное в ответ, я довольно бодро вскарабкался метров на десять. Откровенно говоря, это далось мне легко. Вот, помню, лазил я по Чёртову дереву, выросшему в центре Кощеева логова – это было действительно трудно.

Сверху репостроительное хозяйство выглядело так же мирно, как и снизу. Дымок исходил из одной, самой большой, избы. Будто там собралось человек пятьдесят и дружно закурили. Но на пожар всё равно не похоже.

– Надо бы всё-таки подобраться поближе, – пробормотал я и начал спуск.

Несколькими метрами ниже проволока вдруг не выдержала, нога моя провалилась. Состарившийся металл прорвал левую штанину и оцарапал ногу чуть выше колена. Я поморщился и продолжил спуск, ступая уже осторожнее.

– Иван, ты в порядке? – подскочил ко мне обеспокоенный ослик. – Я всё видел! Это было опасно!

– Ничего страшного, – отмахнулся я, – небольшая царапина.

– Да фиг с ней, с царапиной! Ты памятник архитектуры неизвестно какого века чуть не обрушил! Что бы потомки сказали?

4

Мы открыто подошли к плантации репы. Странно, но никто нас не встретил. Никто не работал на поле, несмотря на то, что рабочий день уже начался. Это вызывало некоторое беспокойство. Может, все решили выспаться?

Репа в этом году, похоже, уродилась на славу. Тут и там торчали целые кусты ботвы. Выглядывавшие из-под листы репкины верхушки были в диаметре от полуметра у самых мелких до двух метров у самого крупного экземпляра. Чтобы вытащить его из земли наверняка понадобится помощь всех обитателей хозяйства, включая собак, кошек и мышей. Хотя... Вот я бы лично не доверил грызунам такой ценный и питательный продукт.

И как же эту громадную репку вытаскивать, если ботва оборвана? Вон он, этот разросшийся куст, валяется между грядок, изрядно обгрызенный. Кто это его так? Неужели упомянутое сороками Чудо-Юдо? Да верхушка не просто оборвана, а обломана.

– А что, – обратился я к Ницше, – сороки его прямо так и называли?

– Кого? – не понял мой товарищ.

– Чудо это.

– Сорочий язык особый, – пояснил ослик. – Он требует толкования. Лично я перевёл так. Откровенно говоря, они считают Чудом любого, кто ведёт себя вопреки их ожиданиям.

– То есть они могли так и меня назвать, когда я волок тебя из Тараканьего леса? – хмыкнул я.

– Вполне, – согласился Ницше и вдруг остановился.

Я проследил за его взглядом. Из-за зарослей ботвы средней репы в третьем ряду выглядывала чумазая детская головка.

– Привет! – я лучезарно, как мне показалось, улыбнулся и помахал рукой.

Худенькая фигурка выступила из-за корнеплода. Это была маленькая девочка в испачканном цветастом платице. Она недоверчиво постреливала в мою сторону белками огромных глаз.

– Не бойся, – я сделал два медленных шага навстречу. – Что здесь произошло? Где все взрослые?

Девочка молча шагнула ко мне. Точно на такие же два шага.

– Иван, что-то с ней не так, – тихо произнёс Ницше.

– Ничего особенного, – не согласился я. – Она просто напугана.

– Я тоже, – фыркнул ослик. – И пугает меня именно она.

Мы с ребёнком сделали ещё несколько шагов навстречу друг другу. Вдруг её взгляд опустился куда-то вниз. Куда-то в область моих коленок. Носик сморщился, ноздри раздулись, словно девочка принималась. А в следующий миг она с места рванула в мою сторону.

Я получил предательский удар под колени и грохнулся на спину. Маленькое стремительное тело пулей пронеслось надо мной с разочарованным визгом. Я тут же перекатился и, опираясь на одно колено, поглядел на противницу.

Маленькая девочка почти не изменилась. Только носик-кнопочку исказили складки, взгляд из недоверчивого стал злым, а из-под верхней губы показались аккуратные такие клыки.

– Что это с ней? – спросил я ослика.

– Учужала кровь. Древняя проволока спасла тебе жизнь.

– В каком смысле? – я чуть было не оторвал взгляд от девочки-вурдалака.

– Представляешь, что было бы, если бы она заманила тебя куда-нибудь в дом? А ведь ты пошёл бы как миленький! А если она не одна?

– Что предлагаешь?

– Смываемся!

– Думаешь, она нас отпустит? – усомнился я.

– Тебя, может, и не отпустит. А я, пожалуй, сбегая за подмогой!

– Думаешь, она не предпочтёт костлявому мне жирного ослика? – я возмущённо повернулся к своему непарнокопытному спутнику.

– Ты, что, назвал меня толстым?! – закричал на меня Ницше и тут же повернулся к вражине:– Девочка, я разве толстый?

Маленькая вурдалачка ничего не ответила. Но нападать она тоже не спешила. Кажется, наш нелепый спор её заинтриговал.

– Да я, между прочим, самый стройный на нашей конюшне! – продолжал сокрушаться ослик.– Эти лошади гораздо более питательные во всех отношениях! Слышь, вурдалачка, – Ницше повернулся к чудовищу, – хочешь лошадку?

– Ты ей ещё петушка на палочке предложи! – не уступал я, коротко глянув на ушастого собеседника.– Ей мясо нужно! Сырое! Здесь и сейчас!

– Думаешь, мясо? А что ж она тогда на твою царапину позарилась? Кровь ей нужна! А в тебе кровищи больше! И она это... вкуснее. Деликатеснее. А ещё, – ослик прыгнул ко мне, – у меня, между прочим, резус-фактор отрицательный!

– И что? – нахмурился я.

– Могут быть проблемы!

– У нас уже и так проблемы!

– У нас бы не было проблем, если бы ты серьёзно относился к моим новостям и взял с собой хотя бы какое-то оружие!

– Я бы взял, да ты мне не дал ни одной лишней минуты!

– Что, совсем ничего нет? – ослик округлил глаза.

– Вот, – я порылся в карманах и выудил ту штуку, которую Яга называет крутилкой для идиотов.– Спиннер. Говорят, развивает мелкую моторику.

Я высоко подбросил безделушку, одновременно раскрутив вокруг оси. Она взлетела с низким жужжанием и засветилась красным, синим и зелёным. Я подставил руку, чтобы поймать спиннер, но мелькнула тень, подул ветерок, и идиотская крутилка оказалась в цепких ручонках вурдалачки, а та, в свою очередь, шагах в двадцати от меня. Опасная деточка вовсю забавлялась с новой игрушкой.

– Глянь, как увлеклась, – ослик положил мне голову на застывшую в ожидании возвращения спиннера ладонь.– А ты говорил, что оружия нет.

– Быстро и тихо смываемся отсюда! – проговорил я.

5

Вот никогда бы не подумал, что эта глупая безделушка спасёт мне жизнь. Но факт остаётся фактом. Мы беспрепятственно ретировались и устремились к царским палатам.

Пусть этими вурдалаками, или кто они там есть, сколько бы их там ни было, и какими бы свирепыми и быстрыми они ни были, Степан занимается. Брат в подобных делах гораздо более сведущ. Да и не пойдёт он к ним один, да ещё с голыми руками.

– Между прочим, я тебе жизнь спас, – заявил Ницше, лишь только мы отделились на достаточное расстояние. – Если б я тебя не боднул под коленку, она бы тебе горло порвала! А ты опять на меня садишься! Как это по человечески!

– Нам же важно побыстрее добраться до подворья! Ты, конечно, не рысак. Но всё равно мне с тобой в скорости не тягаться. И, да. Огромное тебе спасибо, – я наклонился к голове ослика и чмокнул его в макушку.

Он всхрапнул на манер коня и чуть ускорился.

– Интересно, насколько её заинтересовала вещичка? – пробормотал он спустя десяток шагов. – Как бы не догнала нас...

– Надеюсь, надолго. Мне вот интересно, что за тварь такая? Одна ли она? И откуда пришла? Какие жертвы среди работников?

– Мы же не собираемся вернуться и поискать ответы? – вскинул голову ослик. – На это компетентные органы существуют!

– Органы? – удивился я.

– Ну, орган. Степан Никанорыч, собственной персоной. Хотя, он же не один. У него дружина есть. Так что, всё-таки, органы. Внутренние. Вкусные, сочные, питательные внутренние органы... О чём это я? – спохватился Ницше.

– С чего такая кровожадность? – усмехнулся я. – Странно слышать подобное от милого и дружелюбного травоядного существа.

– Это я-то травоядный?! – непонятно с чего заспорил ослик. – Я больше фрукты-овощи люблю. Особенно, яблочки. Зерновые, опять же. А трава... Нет, я конечно и травки могу пожевать. Без особого аппетита. Но ведь и люди тоже её едят иногда. Ещё режут зачем-то. Портят вкусные огурцы и помидоры. Смешивают, поливают какой-то гадостью.

– Хорошо, что тебя сейчас Жанна не слышит, – я хмыкнул, представив, как кухарка гоняет своей сковородкой моего ушастого друга. Впрочем, ему не привыкать.

– Жанна хорошая, – протянул Ницше. – Только не понимает очевидных вещей.

– Это каких, например?

– Что утренние новости важнее сна.

– Знаешь, в этом я с ней полностью солидарен.

– А ещё она не терпит грязи. А грязь, между прочим, приносит огромную пользу организму, – назидательно проговорил ослик.

– Это ещё почему? – удивился я.

– Когда существо постоянно возится в грязи, у него вырабатывается такой иммунитет, что никакая болезнь с ним не справится! – безапелляционно обосновал он. – Вот ты, например, видел когда-нибудь больную муху? Чтобы она чихала, кашляла?

– Нет, – откровенно ответил я.

– Вот! А муха ведь постоянно в грязи копошится!

От подобного доказательства у меня глаза на лоб полезли. И ведь не поспоришь.

– А тараканы? Они ж вообще неубиваемые! Их кроме тапка ничего не берёт! – Внезапно ослик резко понизил громкость и выдал: – И девочка эта, вурдалапочка. Помнишь, она тоже вся какой-то грязью непонятной вся измазана была.

– Думаешь, она поэтому такая шустрая? – хмыкнул я, в очередной раз восхитившись фантазии приятеля. – Грязь какая-нибудь лечебная?

– А что, если эти вурдалаки родились в этой грязи? – предположил Ницше. – В этом, как его... в гумусе! Или сапропели, что бы это ни было. А когда работники стали удобрять репу, потревожили их гнездо. А в гнезде птенцы. Или яйца. Вот они и обиделись.

– Стоп. Какие птенцы? – я попытался остановить словесный поток. – Какие яйца? Это же вурдалаки!

Но мой ушастый приятель был неуправляем:

– А кто сказал, что они не несут яйца? Это, насколько я знаю, вид совершенно не изученный. Редкий, к нашему счастью.

– Для нас главное, что у них всё-таки есть дети, – я снова вспомнил, как девочка увлеклась спиннером. – Нормальные дети, которые любят новые игрушки.

– Я б тоже покрутил, – со вздохом сообщил ослик. – Только у меня пальцев нет.

6

Я нашёл Степана на тренировочной площадке. Он гонял свою дружину. В момент, когда я подошёл к ограде, перед братом, потирая плечо, стоял лишь Гаврила Отрыжкин. Остальные восемь молодцев, включая Закидона и Утырка, сидели и лежали на утопанной земле, постанывая. Да ещё довольный Яков стоял в сторонке. К нему-то я и направился.

– Здоров будь, царевич! – поприветствовал меня здоровяк, заноса руку для приветственного тычка.

– Они хоть в состоянии будут службу нести? – я указал на вяло шевелящиеся тела спарринг-партнёров старшего брата.

– А то ж! – хохотнул Яков. – Как миленькие вскочат и побегут! А что, намечается?

Я кивнул. В следующую секунду Гаврила врезался в ограждение рядом со мной. Толстая жердь громко хрустнула.

– Опять починять, шлёпанцы Суворова! – Степан подошёл к нам и с задорной искрой во взгляде спросил: – Что, малой, не желаешь силушкой померяться?

– Окстись, Стёп! – я вытаращил на брата глаза. – Зашибёшь ещё ненароком, не успею новости сообщить!

– Что за новости?

Я поведал о нашей утренней разведке.

– Подъём!!! – проорал Степан, обеспечив мне звон в ушах на ближайшие полчаса.

Дружинники резво повскакивали и поспешили к своему командиру.

– На Чуднинское репостроительное хозяйство совершено нападение, – зычным голосом сообщил соратникам брат. – Враг неизвестен. Предположительно – нежить. Но точное определение, как и численность, мы узнаем на месте.

– Иван же сказал, вурдалаки! – пробурчал снизу Гаврила. Он, пользуясь тем, что командир стоит рядом, не спешил вставать. Ему и так всё было прекрасно слышно.

– Это ещё не известно, – сурово поглядел на него Степан. – Одна маленькая девочка с длинными зубами – ещё не повод говорить о нашествии вурдалаков.

– А у нас камер там нет? – поинтересовался Утырок.

– По-моему, нет, – покачал головой брат. – Далеко слишком. Хотя, надо у Кулиба спросить.

– Должна быть! – уверенно проговорил Василий Стрелков. – Моя ж прошлая жена, Луша, из тамошних. А раз наш рандом смог её выбрать, значит есть там камеры. Хотя бы одна.

– Добро, – Степан кивнул головой. – Мы с Ваней прогуляемся до Кулиба. А вы готовьтесь. Через полчаса чтобы были готовы. Полное вооружение.

Дружинники загомонили и разошлись. А мы с братом поспешили к нашему придворному технику.

– Ну и чудик ты, малой, шлёпанцы Суворова! – усмехнулся Степан. – Это ж надо, поверить бредням болтливого осла!

– Ты же знаешь, он все уши прожужжит, если его проигнорировать, – я пожал плечами.

– Я б ему промеж ушей прописал. Тут же и успокоился бы!

– Как видишь, его сведения оказались полезными.

– Ну, это мы ещё посмотрим.

Кулиб сидел перед стеной мониторов, положив ноги на стол и похлёбывая травяной взвар из своей огромной кружки.

– Привет, кибернетик! Дело есть, – с порога провозгласил Степан.

Техник вздрогнул и пролил себе на штаны горячий напиток. Вскочил, похлопывая себя по ошпаренной ляжке.

- Зачем так пугать?! – он зло зыркнул на Степана.
- Бдеть надо на важном посту! – припечатал брат.
- Что за дело-то такое срочное, из-за чего человека до инфаркта стоит доводить? – буркнул Кулиб, снова занимая место за мониторами.
- На Чуднинском камеры есть?
- Ну, есть парочка.
- Показывай.
- Кулиб навис над клавиатурой и забегал по ней пальцами.
- Вот и вот, – он указал на два центральных экрана.
- Так себе качество, – хмыкнул я, глядя на рябь, среди которой смутно угадывались контуры домов.
- Нормальное, – скривил губы техник. – Это ты привык ко всяким там штучкам из Верхнего мира. А у нас всё по-простому.
- Да я вообще удивляюсь, откуда там камеры взялись? Плантация же весьма далеко от нас.
- Извернулись, – буркнул Кулиб.
- Ничего не видно, – вздохнул Степан. – Давай на всякий случай запись с ночи посмотрим.
- Следующие полчаса мы пытались хоть что-то разобрать на древних мониторах. Единственное, что мы поняли, так это то, что весь народ около четырёх утра пробежал толпой под одной из камер.
- Чепчик Маннергейма! – воскликнул Степан. – Куда это они ломанулись?
- Утренняя пробежка? – предположил Кулиб. – Здоровье народа в любое время года?
- Кто-то их напугал, – задумчиво проговорил брат.
- Вурдалаки, – со знанием дела вставил я.
- Не будоражь народ раньше времени, – Степан наградил меня суровым взглядом. – Съездим с парнями, разберёмся. А ты пока останешься за старшего. Или хотел с нами прогуляться?
- Нет уж, спасибо. Мне утренней поездки хватило.

7

Тишка издал прощальный гудок. Дружина во главе со Степаном вылетела со двора и устремилась к Чуднинскому хозяйству.

– Куда это они? – раздался за моей спиной голос отца.

Царь стоял на пороге палат, заспанный и слегка отёкший. Кажется, они вчера с Сафоном, нашим глашатаем по связям с общественностью, засиделись до... до сегодня. Помню, когда я поздно вечером проходил под окнами палат, оттуда доносились тоскливые песни. Что-то про тёмные силы, которые нас злобно гнетут, а ещё про какой-то дельтаплан.

– На репостроительном какая-то дичь происходит, – я обернулся к отцу и сделал пару шагов навстречу.

– Что за дичь? – не понял он.

– Пока не ясно. Я там был утром. Народ куда-то весь делся. А меня какая-то девочка странная встретила. С длинными клыками.

– Вампирша? – ахнул царь.

– Вроде, нет, – я пожал плечами. – Уже светло было. А они, кажется, не могут на свету. Я почему-то решил, что она – вурдалак.

– А я что сказал? – брови отца поползли вверх.

– Вампир.

– А что, есть разница?

– Трудно сказать. Они ж это, – я вспомнил слова ослика, – существа неизученные, редкие... к нашему счастью.

– Вот что я тебе скажу, – отец взял меня под локоть и увлёк под козырёк перед входом. – Видал я вампиров. Гадкие и не очень похожие на людей твари.

– Тогда это не они. Та девочка – вполне нормальный человеческий ребёнок. Ницше её даже вурдалапочкой назвал.

– Или мои вампиры какой-то другой породы были. Мои, допустим, легавые, а твои – гончие.

– Вампиры, вурдалаки – главное, чтобы Степан с ними разобрался.

– Справится, – кивнул отец. Правда, в его голосе не чувствовалась абсолютная уверенность.

– Твоих как, обычное оружие убивало? – спросил я на всякий случай.

– Да спалили их нафиг, и вся недолга! – махнул рукой царь.

– Расскажешь?

– Я уж толком и не помню. Это, кажется, было уже когда я здесь править стал...

Со стороны ворот раздался гомон.

– Это ещё что такое? – Никанор нахмурился.

На дороге показалась внушительная фигура Абрама, среднего царского сына и нашего министра финансов, если можно так сказать.

– Нападение! – задыхаясь, прокричал он. Подбежал к нам и, схватившись за грудь, попытался отдышаться.

– Что ж за день-то такой сегодня! – воскликнул батюшка. – То одно, то другое!

– Понедельник, – со знанием дела протянул я.

– Кто хоть нападает? – обратился Никанор к Абраму.

– Верхние! – с трудом выговорил тот. – Корабль летучий спускается! Страшный!

– Вот те на, – царь выглядел весьма расстроенным. – А у нас дружина только что уехала.

– Погодите поднимать панику, – успокоил я отца и повернулся к Абраму: – Почему ты сказал, что корабль страшный?

– У него на носу – дракон! – выпучил глаза брат.

– Странно. Что-то я не помню подобных украшений у Верхних.

На горизонте, чуть выше забора, и вправду появился летучий корабль. Именно корабль. Я бы сказал, ладья. Вёсла, правда, не взбивали пену волн. Да и не могло их быть в облаках. А в остальном – очень похоже на древнее судно. Даже полосатый парус возвышался над палубой. И щиты круглые вдоль бортов.

– Что-то не похоже это на нападение Верхних, – проговорил я. – Вы, на всякий случай, запритесь. А я выйду, погляжу, что за гости.

Станный летучий корабль тем временем приземлился на широкой площадке перед воротами царского подворья.

Я настороженно пошёл к нему, не отрывая глаз от борта, на котором странным изломанным шрифтом была выведена надпись «Варяг». Сзади стукнули, закрываясь, ворота. Чуть скрипнул запираемый изнутри засов. Кажется, отец слабо протестовал. Но Абрам что-то уверенно пробасил в ответ.

Из-за изгородей и домов выглядывали встревоженные лица горожан. Однако никто не спешил встать со мной рядом.

Вдруг борт корабля изменил свои очертания. Что-то посередине поднялось, и тут же на землю опустился массивный трап. С замиранием сердца я ждал, когда на него ступит кто-то из команды судна.

Лишь спустя минуту наверху показалась человеческая фигура. Никакой брони, никакого оружия. Седые волосы, старенький пиджак.

Моё лицо расплылось в улыбке. Я узнал пришельца.

8

Аркадий Петрович сошёл по трапу с летающего судна и распахнул свои объятия:

– Рад приветствовать тебя, Иван, в вашем тридевятом царстве!

Я позволил обнять себя пожилому поэту, похлопав его в ответ по спине. Потом, отстранившись, задал вопрос, который почему-то в первую очередь вызвало в моей голове его приветствие:

– А с чего это у нас тридевятое царство? Нас никто таковым никогда не именовал. Да и вообще, названия у нашего, прямо скажем, небольшого государства нет. Нет ни флага, ни гимна. Если соседи к нам собираются, говорят: «поехали к Никанору».

– Это большое упущение! – Ароз Азорин воздел палец к небу. – А если Верхние с вами захотят поддерживать дипломатические отношения?

– Шутишь, да? – я скептически посмотрел на гостя. – С чего бы им с нами так миндальничать? Кроме того, мы у них наверняка уже под каким-нибудь номером числимся. Так что там насчёт твоей странной фразы про тридевятое царство?

– История уходит корнями в древность, – придав своему голосу таинственности, начал повествование Аркадий Петрович. – Тогда на земных просторах, мизерную часть которых занимает ваше государство, была огромная страна. Столицей, как ты знаешь, был прообраз нашего летучего города. Или, если точнее, наш город – это прообраз того, древнего. Стоял он, конечно, на земле, и был не в пример больше того, что порхает сейчас над нашими головами.

– Москва – резиновая, – вспомнил я слышанное в моём предыдущем путешествии выражение.

– Так вот, была она столицей огромного государства. И было это единое государство с едиными законами. Правда, для кого-то они были законнее, чем для других. Но это, как показывает история, обычное дело.

Я согласно кивнул, а поэт продолжил свой рассказ:

– И была в этом государстве единая служба гонцов, гордо именуемая Почтой России.

– Полезный департамент, – оценил я, продемонстрировав филологические знания, которых, впрочем, мой собеседник не оценил.

– Со временем смысл её стал всё более размытым, – Аркадий Петрович взял меня под локоть, увлекая в сторону запертого царского подворья, где беспокойно маячили головы царя-батюшки и Абрама. – С появлением мощных информационных сетей доставка газет и журналов практически сошла на нет. Посылки гораздо быстрее доставлялись другими курьерскими службами. Более того, из-за особенностей структуры Почты эти посылки терялись в пути, совершая немислимые маршруты в попытке попасть в соседний город. Но финальный удар, так сказать, удар милосердия, нанесла Почте России пенсионная реформа, затеянная тогдашним правительством.

– Пенсионная реформа? – удивился я, попробовав словосочетание на вкус. – Слово реформа я знаю. Буквально оно означает изменение формы. А по сути – перестройку чего-либо. Вроде сарая или бани. Правда, у нас никто не говорит «реформа бани». Но, может, это от тотальной безграмотности простого населения. А вот что означает слово «пенсионный»?

– Как бы тебе объяснить, – поэт почесал нос. – Раньше государство заботилось о пожилых людях. Ведь они – изрядный процент электората...

– Чо? – я нахмурил лоб.

– Понимаешь, правительство было выборным.

– Оно и у нас выборное, – я пожал плечами. – Батюшка сам выбирает, кто будет в нём штаны просиживать.

– А в те давние эпические времена правительство выбирал народ, – Аркадий Петрович вновь воздел кверху палец.

– Батю тоже народ, можно сказать, выбрал, – снова пожал плечами я. – Тогда, правда, у народа особенно выбора не было. Ну, а потом отец, не будь дурак, позаботился об отсутствии конкурентов.

– Иван, ты сегодня меня постоянно перебиваешь! – возмутился неожиданный гость. – Будешь ты меня слушать, или я замолкаю?

– Прости, пожалуйста, – повинулся я. – Просто меня все эти исторические перипетии несколько одурманивают.

– Так вот. Правительство платило пожилым людям деньги. По достижению определённого возраста, или когда они уже не могли работать. Не много. Но это жутко угнетало министерство финансов. Разумеется, деньги платили из налогов, собранных с работающих людей. Но ситуация сложилась таким образом, что работающих и получавших пенсию стало приблизительно одинаково.

– Почему? – вновь удивился я. – Была война? Остались старики и дети?

– Нет, – поэт отрицательно покачал головой. – Время было мирное. Официальной версией было то, что люди стали дольше жить.

– Здорово! – мечтательно улыбнулся я. А потом нахмурился: – Но ведь это можно было бы решить простым увеличением пенсионного возраста!

– Сначала правительство пошло именно по такому пути, – согласно кивнул Аркадий Петрович. – Но потом оказалось, что это ни капли не помогает.

– Значит, дело было в чём-то другом? – предположил я.

– Безработица, привлечение дешёвой рабочей силы из соседних государств, уход от налогов, воровство среди чиновничества, – стал перечислять поэт. – В конце концов эту самую пенсию отменили окончательно. А поскольку выплатой оных испокон веку занималась Почта России, то и последняя причина содержать этот разросшийся аппарат отпала. Кстати, роспуск её принёс большую прибыль в казну.

– Это всё, конечно, жутко интересно, – проговорил я. – Но какое это имеет отношение к твоей фразе про тридевятое царство?

– Для каждого города, чтобы не перепутать, у Почты был цифровой код. Так называемый почтовый индекс. Так вот, просматривая архивы, я обнаружил, что город, на территории которого нынче располагается ваше Никанорово царство, имел индекс, начинавшийся с цифр 3 и 9, – Аркадий Петрович расплылся в улыбке и тожественно произнёс: – Так что ради исторической справедливости предлагаю присвоить вам название тридевятого царства!

– Ага. Спасибо, – кивнул я и почесал макушку.

Тем временем мы подошли к запертым воротам. Я постучал в них кулаком.

– Кто там? – пробасил изнутри голос Абрама.

– Открывай уже, – крикнул я. – У нас гости!

– Незванный гость хуже дефолта!

Я ничего не понял, кроме того, что пускать нас не хотят.

– Да не бойтесь вы! Это мой старый знакомый! Он поэт! Кстати, батюшка, ты его тоже знаешь. Он помог тебе, когда вы с мамой меня наверх возили!

За воротами послышалась возня. Что-то стукнулось о доски. Потом скрипнул засов и ворота распахнулись, чуть не долбанув нас с Аркадием Петровичем по носам.

В нашу сторону шагнул Никанор. Откуда ни возьмись на его голове появилась корона. С видом задиристого воробья батюшка поглядел на нашего гостя. Обошёл его справа. Наклонил голову. Наконец, лицо его прояснилось, и царь расплылся в улыбке:

– Аркадий! Что ж ты так долго до нас добирался?!

– Никак не мог вырваться, – чуть смущённо ответил поэт. – Только вот благодаря Ивану вернулся в Верхний город. И, воспользовавшись случаем, заскочил в гости.

Никанор обнял старого знакомого и хотел было затащить его в царские палаты, но тот указал в сторону летающего корабля:

– Я не один. Антоха, вылезай! – крикнул поэт в сторону судна. – Всё в порядке!

На трапе показалась очередная знакомая мне личность. Протодиакон Антуан Пустопорожный. Писатель и исследователь Нижнего мира.

– Именно благодаря Антохе этот полёт состоялся, – поведал Аркадий Петрович. – Кстати, Иван, – повернулся он в мою сторону, – мне отчего-то кажется, что ты захочешь составить нам компанию в нашем познавательнейшем путешествии.

– Да? – удивился я. – Зачем это?

– Об этом я расскажу чуть позже. А где Василиса? – поэт поискал взглядом мою жену.

– Да у неё с отцом свои дела, – я махнул рукой. – В экспедицию какую-то отправились.

– А что ж тебя с собой не взяли?

К нам тем временем подошёл Антуан. Вяло пожал мою руку, чуть поклонился царю.

– Здравсте, – из-за забора, потирая лоб, выглянул Абрам.

– Вот что, Абраша, – обратился к нему Никанор. – Организуй гостям комнаты и баньку по-быстрому. А чуть позже – пир!

Абрам вздохнул и отправился выполнять пожелание государя.

– Следуйте за мной, гости дорогие! – батюшка взял под руки обоих пришельцев и потянул к палатам. – Предвкушаю интересный вечер!

9

Наши гости попали в цепкие и надёжные ручонки служанок. А я тем временем решил осмотреть прибывшее судно. Да и приглядеть заодно – мало ли кто из наших граждан решит что-нибудь открутить, пока хозяева не видят.

Около трапа я застал Ницше.

– Ты почему меня не позвал? – набросился на меня мой четвероногий приятель. – К нам такие гости прилетели, а я всё узнаю последним!

– Извини, всё как-то внезапно случилось. Ходил уже внутрь?

– Не пускает, – фыркнул ослик.

– Кто не пускает? – не понял я. На первый взгляд путь на корабль был свободен.

– Сходи, узнаешь.

Я аккуратно вступил на трап. Сделал несколько осторожных шагов и упёрся в невидимую стену. Под моим напором она слегка пружинила, но внутрь не пускала.

– Силовое поле, – понял я. – Как на колесе было в Небесной Москве.

– Откуда ты чуть не свалился, когда из кабинки полез?

– Ну и хорошо, – я спустился вниз, – по крайней мере, можно не волноваться, что кто-нибудь из местных набедокурит.

– Кто хоть прилетел? А то я только задремал после завтрака, как слышу – куры про какую-то огромную штуку квохчут.

– Ты ещё и кур слушаешь?

– А как ты думаешь? Нельзя ни одной мелочи упустить! – он тяжело вздохнул и с торжественной грустью в голосе произнёс: – Бремя супергероя!

Я усмехнулся. Таких супергероев мир ещё не видывал.

– Нас посетили Ароз Азорин и Антуан Пустопорожний. Зачем – пока не знаю.

– Конечно, ко мне за советом! – воскликнул Ницше.

– Так-так, – на этот раз я не сдержался и захохотал. – И чего же, интересно, ты можешь им посоветовать?

– Не веришь, значит? – тут же надулся ослик. – Ладно, ещё увидишь!

С этими словами он гордо вскинул голову и поцокал в сторону конюшни. А я пожал плечами и принялся рассматривать летучий корабль. Хотя бы снаружи погляжу.

Посудина была знатная. Обшивка полностью повторяла текстуру дерева. Дуба, кажется. Но что-то я сомневался, что это именно дерево. Скорее всего какой-то более прочный материал, который не то, что жучки не прогрызут, но и пули из огнестрела не пробьют. Так что огромные щиты по бортам висят, скорее, для красоты.

Борт вздымался метра на три вверх. А голова дракона, так напугавшая Абрама, вообще грозно поглядывала с высоты крыши царских палат. Скульптор, или кто там её делал, смог отобразить детально не только этот полный ярости и презрения взгляд, но и каждую чешуйку, покрывающую шею зверюги.

Полосатый красно-белый парус теперь безвольно повис, словно свежевystиранное бельё. Гордо каркнула ворона и пристроилась на верхушке мачты. Ага. Значит, там силового поля нет. Видимо, зона его действия заканчивается ниже.

Ладно, хватит тут прохлаждаться. Пойду, загляну к нашим гостям. Посмотрю, как ребята там обустроились. Тем более, что вон они, выходят из палат в сторону бани.

– Вань, не составишь нам компанию? – крикнул, завидев меня, Аркадий Петрович.

– Спасибо, я только позавчера парился. Но до бани, пожалуй, пройду с вами, – я присоединился к нашим гостям, сопровождаемым крепкой дворовой девушкой.

– Да, раз уж ты здесь, хочу спросить, а где же наш четвероногий друг, Ницше? – с улыбкой обратился ко мне Антуан. – Странно, что он ещё не носится вокруг.

– А зачем он тебе? – я с подозрением уставился на протодиакона.

– Хотел спросить у него совета.

Челюсть моя с неудержимой силой рухнула вниз. А из-за казармы внезапно выскочил ослик и торжествуя воскликнул:

– А я говорил!

На пару секунд я окаменел. А Ницше, воспользовавшись этим, занял место рядом с гостями.

– И чем же я могу быть полезен нашим глубокоуважаемым гостям из поднебесья? – оскандился он, походя изобразив в мою сторону неприличный жест хвостом.

Антуан отчего-то замялся, а поэт со смешком ответил:

– Да он опять про этих фиолетовых котят. Как их, чебуреки, что ли?

– Чебурики, – поправил Антуан.

– А в чём вопрос? – Ницше забежал вперёд и остановился, притормозив процессию.

– Да ему надоели эти игрушки, что у него по шкафу носятся, – Аркадий Петрович легонько ткнул приятеля локтем. – Хочет живого.

– Не знаешь, нельзя нашего Че как-нибудь обратно с ВДНМ забрать? – протодиакон с надеждой взглянул на ослика.

– Вообще, конечно, мутная какая-то история с этими котятами, – высказал своё мнение поэт. – Вроде, парни, что называется, в тренде. А держат их непонятно где и непонятно зачем.

– Это всё Старый Пень, – Ницше щёлкнул зубами. – Он явно имел на котиков какие-то планы. Но прокололся со своими махинациями и теперь где-то скрывается.

– Так что думаешь, отдадут мне Че? – спросил Антуан. – К кому обратиться? Я даже заплачу, сколько надо.

Ослик загадочно улыбнулся.

– Ничего платить не надо.

– Так как же быть? – не унимался протодиакон.

– Прими баньку, отдохни. Утро вечера мудренее, – таинственным голосом проговорил Ницше и с независимым видом покинул компанию.

– Что он имел в виду, Иван? – растерянно спросил у меня Антуан.

– Кто его знает, – я пожал плечами. – Может, сорока что-то рассказала.

Я оставил недоумевающих гостей и поспешил за осликом. Он явно что-то скрывает.

10

А придя на конюшню, я понял, что именно. И когда только успел? Я же сам только что находился у летучего корабля!

– И ты, значит, воспользовался случаем и снова улизнул от Парамоши? – ещё от входа услышал я голос Ницше. – Ох, не обрадуется он, когда узнает!

В ответ донеслась какая-то возня и урчание.

– Конечно, ты прав. Парамоше сейчас не до вас. На него целое хозяйство свалилось! Но, насколько я знаю Парамошу, он обязательно придёт вас проверить.

Снова возня. Я затих, прислушиваясь.

– Братаны подстрахуют? Ну, да. Вас, когда вы начинаете мельтешить перед глазами, посчитать весьма сложно, – согласился ослик с невидимым собеседником. – Что встал, Иван? – внезапно крикнул Ницше. – Заходи уже, поздоровайся с Че.

Я понял, что обнаружен и быстрым шагом приблизился к стойлу моего непарнокопытного приятеля. Маленький фиолетовый котёнок с огромными для своего размера ушами сидел на ограждении и щурил на меня сверкающие глазища.

– Я так понимаю, он по своему обыкновению заскучал, сбежал с выставки и каким-то образом пробрался на летучий корабль? – я почесал Че за ушком.

– Почти так, – Ницше кивнул. – Антоша заходил на ВДНМ. Искал, где содержат чебуриков. Он их не нашёл, но его нашёл Че.

– А что за корабль, он не знает? – я хихикнул, когда котёнок юркнул мне за пазуху. – А то наши гости пока молчат, как водянички об лёд.

Мордочка Че показалась из моего левого рукава. Котёнок фыркнул и снова скрылся.

– Он говорит, что ему это не интересно. Главное – приключения.

– Ну, ладно, – я пожал плечами. – Скоро сами всё расскажут.

Внезапно на дворе раздался дикий вопль, точно поросёнок, которого собирались приготовить к пиру, прознал о происках коварных убийцев и предпринял отчаянную попытку совершить побег, попутно призывая в свидетели мировую общественность. Мы с Ницше одновременно покинули конюшню и увидели презабавнейшее зрелище. Антуан Пустопоржний бежал по двору в чём мать родила, прикрываясь медным тазиком. А за ним, размахивая дубовым веником, гналась по пятам юная, но весьма крепкая девица в пропитанной влагой белой рубахе до колен.

Я подошёл к гогочущему у входа в баню Аркадию Петровичу. Он тоже был не вполне одет – лишь длинные трусы в красный горошек скрывали его бёдра.

– С чего это они так резвятся? – спросил я поэта.

– Антоха себя несколько переоценил, – сквозь смех проговорил он.

– В каком смысле? – удивился я.

– Отчего это, говорит, нам слабый пол подсунули?

– При чём тут пол? – не понял я.

– Ну, как же, – удивился моей недогадливости поэт. – Женщины испокон веков считались слабым полом! И Антоха решил, что ей силёнок не хватит его хорошенько отпарить. А она, видимо, феминистка. Ка-ак размахнётся, да ка-ак начнёт его веником охаживать!

Я не стал выяснять, кто такая эта феминистка. Надо было спасать гостя.

– Марьяша, успокойся! – как можно более суровым тоном скомандовал я разбушевавшейся девице. – Он не хотел оскорбить твоего отца!

– Да? – с сомнением в голосе спросила она, но остановилась и веник опустила. – Но я же точно слышала, он сказал «слабый пол»!

– Он не то имел в виду. Это у них наверху принято девушек такими комплиментами одаривать.

– А что такое плименты? – Марьяша засунула изрядно ободранный веник под рубаху и стала яростно чесать спину.

– К примеру, как тебя ласково называет отец?

– Сваечкой, – чуть смутившись, пробубнила девушка.

– Хм... так вот, если бы у них наверху девицу назвали сваечкой, она бы наверняка обиделась. И наоборот – у них там красивых девушек принято считать слабым полом, прости уж за столь оскорбительные для дочери плотника слова.

Марьяша перестала чесать спину и задумалась. Антуан, пользуясь передышкой, бочком отступил к бане и скрылся за дверью.

– Ладно, пушай живёт, – шмыгнула носом девушка. – Но передайте ему, что полы в бане батюшка хорошие сделал! – она погрозила кулаком в сторону скрывшегося от расплаты гостя и размашистой походкой зашагала прочь.

– Никифор! – позвал я пожилого жилистого старика из дворни, который, посмеиваясь в бороду, стоял на углу. – Замени Марьяшку. Гости хотят крепкой мужской руки.

– Может, их вместо веничка лопатой отходить? – проявил неожиданную инициативу дедок. – Мне лопатой как-то сподручнее.

– Иван, – подал голос Аркадий Петрович, – я тут подумал... Не такие уж мы и грязные. А на корабле у нас душ есть. Так что, может, мы без бани обойдёмся?

– Я тоже так думаю, – пискнул в приоткрывшуюся дверь протодиакон.

11

Итогом, вместо бани пришлось мне устроить гостям экскурсию по нашему селению. Тут-то и поведал мне Аркадий Петрович о цели их приезда.

– После скандала в городском совете произошли серьёзные изменения. Марию Станиславовну на посту министра культуры заменила Хельга Рогнаровна. Эта серьёзная дама, когда к ней пришёл Антоха с идеей о «легендах Свободной Зоны» жутко разозлилась и устроила ему разнос.

– «Я вас с вашим шансоном к уркам отправлю!», кричала она, – поморщился протоиерей. – Короче, пригрозила выгнать взашей с работы, если я не предложу какой-то новый стоящий проект.

– Собственно, идею подала сама новая министерша, – усмехнулся поэт. – Своим именем.

– Да, имечко интересное. А что оно могло навевать? – спросил я.

– Уж больно оно в стиле северных саг, – потеревил бородку Антуан. – Хель, Тор, Рагнарёк.

– Кто все эти люди? – лично мне эти имена ничего не сказали.

– Мы с Антохой до этого путешествия тоже были не очень подкованы в скандинавской мифологии. Но тут пришлось перешерстить всю Сеть, дабы заинтересовать министерство и выбить средства.

– Средства на что? – всё ещё не понимал я.

– В этих сагах рассказывается в том числе и про Рагнарёк – конец света, в котором гибнут практически все герои, – проигнорировал мой вопрос Антуан. – По сути – та же Последняя Война.

– После войны рано или поздно связь удалось установить с большинством Небесных городов, – перебил спутника Аркадий Петрович. – А вот что творится на земле – известно далеко не во всех районах. Да этого и не нужно правительствам. Им бы сохранить контроль над производствами, находящимися в подведомственных зонах. Особенно много белых пятен на севере. Если в Новом Петербурге ещё кое-как справляются с наблюдением за поверхностью, то в Архангеле с этим вообще беда. А что происходит дальше Питера – на Скандинавском полуострове – мы имеем очень приблизительное представление.

– А что, – уточнил я, – там разве нет Небесных городов?

– Дипломатические отношения не налажены, – скупно ответил поэт.

– Короче говоря, у нас документальное путешествие с целью сбора информации о населении и его фольклоре, – резюмировал протоиерей.

– Допустим, – я почесал макушку. – А при чём тут я?

– По имеющимся у меня сведениям, – Ароз Азорин заговорщически подмигнул, – царица Светлана, твоя мать, находится где-то на севере.

– Север большой, – я пожал плечами.

– Есть след. Он, разумеется, уже порядком подзатёрся с годами. Но кое-что, я думаю, мы сможем разузнать. Ну, что? Ты заинтересован? – поэт остановился, заглядывая мне в глаза.

– Спрашиваешь! – я хмыкнул и кивнул. – В своём прошлом путешествии я изредка наталкивался на мамины следы. И у меня каждый раз сердце начинало биться чаще. Разумеется, я буду рад любой возможности узнать о её судьбе!

– Значит, решено, – Аркадий Петрович похлопал меня по плечу.

– Думаю, да. Всё-таки есть своя прелесть в том, что я третий сын. Степана или Абрама никто так просто не отпустил бы.

– Кстати, а где этот ваш героический Степан с его суворовскими шлёпанцами? – полюбопытствовал Антуан.

Я поведал им историю о своей утренней разведке.

– Так что Стёпа поехал разбираться с ситуацией, – закончил свой рассказ я.
– Интере-есно, – протянул протодиакон. – Значит, говоришь, маленькая девочка?
– Да, – кивнул я. – Довольно милая. Была. Пока клыки не появились.
– Что-то мне это напомнило, – Антуан потеребил бородку.
– История про маленькую девочку-вурдалака? – удивился Аркадий Петрович.
– Нет. Вон тот памятник, – Антуан указал на усадьбу бояр Отрыжкиных, недалеко от которой возвышалось заросшее травой и мхом нечто, отдалённо похожее на вылезающего из-под земли мужика с раскинутыми руками. – Что это?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Всегда здесь стояло.

– Такое ощущение, что кто-то выбирался из могилы, но застрял. И теперь вроде как говорит: «Ну, не смог. Кто ж виноват?», – Аркадий Петрович подошёл к тому, что его спутник назвал памятником и постучал по зелёной поверхности. – Там внутри явно нечто твёрдое. Остатки какого-то древнего монумента?

– Кто ж теперь узнает? – хмыкнул я. – Говорят, после ударов каким-то хтоническим оружием здесь камня на камне не осталось.

– Ты хотел сказать, тектоническим? – уточнил поэт.

Я вновь пожал плечами. В моих книжках я не читал ни про одно, ни про другое.

Антуан же выудил из кармана свою пипку и стал делать картинки этого... пусть будет монумента. Просто монумента, себя на фоне монумента, нас на фоне монумента, себя без монумента, себя на фоне усадьбы Отрыжкиных, себя на фоне травы, себя на фоне неба...

– Что-то увлёкся Антоха, – Аркадий Петрович осуждающе поглядел на своего спутника.

– А что он делает? – спросил я.

Когда я попал в Небесную Москву, меня поразила любовь местных жителей к репортажной съёмке. Вместо того, чтобы оказать помощь ближним, они предпочитали всё запечатлевать своими приборами... как же их... Пипками, короче.

– Блог, – таинственно сообщил поэт.

– Блохи? – не понял я. – Ну, тогда зря вы от бани отказались!

– Это его личная страничка в сети, – пояснил Аркадий Петрович.

– А! – я хлопнул себя по лбу. – Точно! У вас же документальное путешествие. Так он что, будет каждый свой шаг так вот снимать и в сеть выкладывать?

Поэт кивнул. Антуан же перестал кривляться перед своей пипкой и теперь стучал пальцем по экрану, отчаянно сопя.

– Что-то пошло не так? – спросил Аркадий Петрович, приподняв бровь.

– Не могу отправить, – поморщился протодиакон. – Сети нет.

– У нас это обычное явление, – с видом знатока промолвил я.

– Ладно, не переживай, – Аркадий Петрович похлопал спутника по плечу. – В путешествии где-нибудь да появится. Тогда все твои подписчики всё разом увидят.

– И то верно, – облегчённо улыбнулся Антуан. – Слушай, – глаза его загорелись идеей, – а почитай на камеру что-нибудь из своего. Что-нибудь лирическое. А я тебя снимаю на фоне этого древнего артефакта.

Аркадий Петрович ненадолго задумался, а потом опёрся на старинный монумент, прикрыл свои очи и продекламировал:

Где ты, Русь, моя родная?
Сверху смотрят небеса.
Не видать конца и края-
Хмарь заволокла глаза.

Как приبلудный проходимец,

Я смотрю твои руины.
Только нечем поживиться.
Наберу хотя б малины.

Пахнет яблоком и медом
Пахнет свиньями и хлебом.
Рак свистит за косогором
И Толян храпит за хлевом.

Разбегусь и прыгну в лужу
Захлебнусь в родной грязи я,
Все увидят, как натужно
Я люблю свою Россию.

Если крикнет кто-то местный:
«Чем тебе не жизнь в раю?»
Я скажу: «Не надо рая,
Лучше я назад, в Москву».

Внезапно монумент вздрогнул. Аркадий Петрович в ужасе отскочил ко мне. Впрочем, продолжения не последовало.

– Что это было? – схватившись за сердце, поинтересовался поэт.

– Не знаю. На моей памяти это впервые.

– А что случилось? – кажется, Антуан не осознал произошедшего и смотрел возмущённо. – Чего вы так пугаете? У меня рука дёрнулась!

– Кажется, этот древний памятник пошевелился, – пробормотал Ароз Азорин.

– Да ладно, – отмахнулся протодиакон. – Тебе показалось.

Он подошёл к монументу и попинал его ногами.

– Видите? Никакой реакции!

– Значит, показалось, – согласился Аркадий Петрович. Впрочем, в его голосе не слышалось уверенности в этом утверждении.

12

Нагуляв аппетит, набравшись впечатлений и испугавшись неведомо чего, мы вернулись на царское подворье. Там уже всё было готово к пиру. Правда, на этот раз мероприятие предназначалось для узкого круга лиц – пригласили лишь ближних бояр.

Народ, толпившийся у летучего корабля, когда мы уходили на нашу прогулку, рассосался. И правильно – попасть внутрь было никак не возможно, ничего оторвать от него на память – тоже. Так что дальнейшее пребывание около диковинки было бы пустой потерей времени.

Гостей из Верхнего мира посадили по обе руки от царя-батюшки. Антуан слева, рядом с ним расположились Абрам с супругой. Я устроился около Аркадия Петровича.

Разумеется, сначала подняли кубки за гостей. Потом за сотрудничество. Следом – за царя, за его сыновей, за тридевятое царство. Батюшке, кстати, идея с названием понравилась.

– А какие новости нынче в международной политике? – непонятно с чего спросил Никанор после очередного кубка.

– Да всё как обычно, – пожал плечами Аркадий Петрович. – Города то грызутся, то мирятся. Дружат то с кем-то, то против кого-то.

– И кто сейчас за нас?

Станный вопрос из уст моего родителя. Уж за нас там, наверху, точно никого нет. Впрочем, это нисколько не смутило поэта.

– Пруссак, вроде, стремятся к сотрудничеству, – ответил он. – Священная Римская Империя поглядывает зло, но ничего против не предпринимает. А вот бюргеры всё никак не определятся, как к нам относиться. То они наши друзья до гроба, то мы для них логово зла. Я думаю, если бы королева Виктория хоть как-то высказалась, бюргеры приняли её точку зрения.

– Королева? – заинтересовался Никанор. – А я думал, там, наверху, демократия победила.

– На Британщине всегда были короли, да королевы, – махнул рукой Антуан Пустопорожний. – Отсталая, надо сказать, страна!

– А нельзя ли с ней познакомиться? – раззадорился царь. – Нам, как коронованным особам, было бы интересно пообщаться.

Я вытаращил на батюшку глаза. Но Аркадий Петрович совершенно не смутился и без тени иронии в голосе ответил:

– Боюсь, королева Бритов – человек чрезвычайно занятой. Да к тому же она не покидает дворца из-за призраков.

– Призраков? – кажется, все гости на пиру умолкли и вслушивались в разговор.

– Да, вечная британская история, – махнул рукой поэт. – И ладно бы её беспокоили какие-нибудь местные, которые бродят ночью по дворцу и гремят цепями. Так ведь нет. Эти странные персонажи, которых так боится королева, носят странные, совсем не британские имена. Кстати, они очень похожи на наши фамилии... дайте вспомнить. Петров и Боширов, кажется. Говорят, они испокон веков бродят по Британщине и травят кого ни попадя.

Все поахали, поахали, но не громко. Потому как слово взял Антуан Пустопорожний и в свойственной ему велеречивой манере рассказал о привидениях Западной Европы. И снова все с замиранием сердца слушали, не перебивая.

Вдруг на улице что-то бабахнуло. От неожиданности, да под действием мрачных баек гостей все присутствующие жутко перепугались и полезли под столы. Лишь мы с батюшкой остались выше столешницы, не уронив престижа. Я подскочил к дверям. Осторожно приоткрыл створку и выглянул наружу.

Уже стемнело, но было очевидно, что перед палатами всё спокойно. А вот дальше, около летающего корабля наших гостей, творилось что-то непонятное. Какие-то тёмные фигуры мелькали рядом с его возвышающимся над местностью корпусом.

Пригибаясь, я поспешил к воротам. Прижался спиной к доскам забора и выглянул, стараясь оставаться незамеченным.

И тут же облегчённо вздохнул. Это были свои. Наша дружина. И парни, похоже, развлекались вовсю. Один за другим они штурмовали борта корабля, натыкались на защитное поле и скатывались по нему, как по ледяной горке, вниз.

Я вышел из-за забора и тут же заметил Степана, возвышавшегося на своём боевом быке Тишке чуть поодаль. Брат хмуро глядел на молодецкие забавы своих подопечных. А перед ним на спине быка, положив голову ему на макушку между рогов, сидела знакомая маленькая девочка.

– Осторожно! – я кинулся к Степану, привлекая к себе внимание.

Брат тут же выхватил из-за пояса внушительный огнестрел, отобранный когда-то у сыщика из Верхнего мира, и заозирался в поиске врага. Девочка же вскочила прямо на Тишкиной голове и, пригибаясь, оскалилась в мою сторону. Я замер, ожидая, что она тут же бросится на меня.

– Ом-м-м-м-м, – раздался глубокий, вибрирующий и завораживающий голос.

Я не сразу понял, что он принадлежит Тишке. Это был не тот пароходный гудок, которым бычок отмечал каждый свой выход в свет. Это было нечто новое, пробирающее до костей.

Девочка тут же убрала клыки и снова устроилась за могучей шеей рогатого. Степан тоже опустил оружие и поглядел на меня с осуждением.

– Ты что тут панику разводишь, фляжка Ганнибала? – укорил меня он.

– Но эта девочка, – я указал на вурдалачку, – это же про неё я говорил утром.

– Потом объясню, – брат как-то замедленно соскочил на землю и подошёл ко мне. – Сначала ты мне расскажи, что здесь происходит?

– Да всё нормально, – я пожал плечами.

– Тогда что это? – Степан указал на летучий корабль. – И где все?

– К нам гости прилетели. Батя в их честь пир затеял.

– Какой ещё пир? – удивился брат и брови его взмыли вверх. – Почему же в палатах такая мёртвая тишина? Что-то совсем на пир не похоже!

Я не смог сдержать смех.

– Слышал бы ты, какие жуткие истории рассказывали наши гости! Эти ребята умеют держать аудиторию в напряжении!

– Ну, пойдём, познакомишь меня с гостями, – Степан засучил рукава и шагнул к палатам.

– А нам что делать? – крикнул ему вслед Гаврила Отрыжкин.

– Валите по домам, – махнул дружинникам брат.

– А девчонка? – я схватил Степана за локоть.

– А что с ней?

– Ты что, оставишь вурдалачку без присмотра в нашем селении?

Степан поглядел на обнимавшую Тишку хрупкую фигурку и усмехнулся.

– За неё не переживай. Она с Тихоном.

Кажется, моя челюсть отвисла.

– В каком смысле? – пробормотал я.

– Иди, иди, – неизвестно откуда взявшийся Ницше подтолкнул меня головой вслед за удаляющимся старшим братом.

Я сделал несколько шагов и обернулся. Мой ослик, склонив голову на бок, подошёл к своему рогатому приятелю. Кажется, у них состоялся диалог, после которого оба четвероногих неспешным шагом направились в сторону конюшни.

13

Признаться, я разрывался. С одной стороны, рассказ Степана должен был оказаться более внятным, чем перевод Ницше. Но с другой – как-то не хотелось оставлять маленькую вурдалачку без присмотра.

Или, всё-таки, она под присмотром? Мне показалось, или Тишка каким-то странным образом оказывает на девочку влияние?

Я пристроился за четвероногими приятелями и следом за ними вошёл на конюшню. Ни бык, ни ослик, ни маленькая и опасная наездница не оглянулись. Они протопали к стойлу Ницше. Там девочка ловко соскочила с могучей спины и, покосившись на меня, устроилась на охапке сена.

Откуда-то из глубины конюшни выскочил Че, увидел незнакомку, выгнул дугой спину, зашипел. Его огромные уши затрепетали, как постиранное бельё на ветру. Несмотря на размеры появившегося зверя, девочка тоже напряглась и вжала голову в плечи.

Тишка лениво повернул голову в сторону котёнка, потом на вурдалачку. Вскрапнул и с невозмутимым видом принялся жевать сено.

– Ну, и что вы рычите друг на дружку? – Ницше тоже переводил взгляд с одной на другого. – Лучше присоединяйтесь ко мне. – И он принялся хрустеть морковкой.

Разумеется, оба хищника проигнорировали его предложение. Но рычать и шипеть перестали. Че осторожно приблизился к девочке и принялся обнюхивать. Та сначала с подозрением наблюдала за ним, а потом аккуратно подцепила его пальчиками за шкурку, подняла к носу и тоже со всех сторон обнюхала. Самое забавное, что Че, похоже, не возражал. А когда вурдалачка щекотнула кончиком носа его животик, смешно дёрнулся и шлёпнул её по щеке мягкой, не выпуская когтей, лапой.

Девочка поставила котёнка на пол. Он что-то муркнул и поскакал к ослику. Забрался на его кормушку, понюхал морковку, фыркнул.

– Иван, – повернулся ко мне Ницше. – Сгоняй на кухню, принеси этим мясоедам перекусить. Желательно, сырого. Им варёное противопоказано.

– А они точно не подерутся? – усомнился я.

– Не, – ослик помотал головой. – Они, если можно так выразиться, родственники.

– Как так? – нахмурился я. – Они даже не похожи.

– Слышь, Тишка, не верит, – Ницше издал смешок.

Бычок в ответ на его реплику фыркнул, не прекращая трапезы.

– С чего ты решил? – не успокаивался я.

– Это же элементарно! – воскликнул ослик. – Форма ушей, цвет радужки глаза, запах... Всё просто кричит о родстве!

Я внимательно посмотрел на обоих персонажей. Уши девочки были скрыты копной чёрных волос. Но вряд ли они имели сходство с лопухами котёнка.

Глаза... Сложно сказать. Форма глаз вурдалачки и вправду была несколько кошачья. А цвет... Чтобы определить в точности оттенок, надо было подойти вплотную. Но что-то не хотелось.

И запах. Вечный камень преткновения для представителей людского племени. Мы чувствуем лишь малую толику того, что могут различать звери. Да и вообще, не собираюсь я нюхать ни котёнка, ни эту жуткую девчонку!

– Ты меня разыгрываешь? – я скептически поглядел на своего непарнокопытного приятеля.

Ницше молча повернулся обратно к кормушке. Мол, не хочешь, не верь.

– Может, ты сможешь рассказать, откуда она взялась? И каким образом Тишка её успокаивает?

– Ну, на первый вопрос я тебе не отвечу, – соизволил снизойти до меня ослик. – Она об этом не рассказывала. Откровенно говоря, она вообще молчит. Когда не рычит, конечно. Но этот рык нельзя считать речью.

– А на второй?

Ницше задумался, подняв взгляд к балкам перекрытия. Что-то там долго и внимательно разглядывал, потом произнёс:

– Видишь ли, Тихон – великий мастер, постигший истинный смысл жизни. Много лет тому назад он дал обет молчания. Потому что мирская суета во многом проистекает из впустую сказанных слов. Вурдалапочка поняла это, едва услышав звук его внутреннего космоса и стала верной ученицей, слушающей наставника, несмотря на его молчание...

Я слушал этот бред с отпавшей челюстью и выпученными глазами. Тишка обернулся к болтливому ослику и посмотрел на него с укоризной, но жевать сено не перестал.

– Короче, – оборвал я Ницше, – ты можешь мне гарантировать, что девчонка не помчится на охоту за мирными горожанами, пока я буду отсутствовать?

– Без балды, – ослик клацнул зубами и изобразил улыбку.

– Добро, – я кивнул. – Тогда я сейчас стогняю на кухню за мясом для этих двух проглотов. А потом вернусь на пир, выслушаю, что Степан расскажет о своей поездке.

14

Признаться, я поставил рекорд по скорости перемещения в пределах подворья. Не обращая внимания на недоумевающие взгляды поваров, уволок половину бараньей туши. Закинул её на конюшню. Правда, лошади при моём появлении с окровавленным куском мяса в руках как-то странно на меня косились. Убедившись, что вурдалачка всё ещё пребывает в умиротворённом состоянии, я зачем-то грозно погрозил каждому, включая Тишку, пальцем и быстрым шагом устремился на пир.

Степан, как оказалось, уже наладил отношения с небесными гостями. Он сидел, приобняв Антуана и что-то рассказывая ему.

– О, Иван! – Аркадий Петрович первым заметил меня и приглашающим жестом указал на место рядом. – Куда это ты запропастился?

– Потом расскажу, – я проигнорировал его приглашение и прошёл к Степану. Встал за его спиной, нетерпеливо барабанил пальцами по спинке батюшкиного стула, похожего на трон.

– Вань, ты чего тут отсвечиваешь? – отец вопросительно поглядел на меня, привлекая внимание сидевших рядом братьев.

– Стёп, расскажешь о своей поездке? – спросил я.

– Да всё нормально, – отмахнулся он. – Жертв нет. Репа почти вся цела.

– А как же вурдалачка? – я повысил голос. – И куда делись все жители, когда я был там утром?

– Сынок, потише, – дёрнул меня за рукав Никанор. – Не надо дестабилизировать обстановку. Батюшка нахмурился и произнёс по слогам: – де-ста-би-ли-зи-ро-вать обстановку.

– Короче, не наводи панику в присутствии гостей, – пояснил Степан.

– Да я совершенно спокоен! Я просто хочу, чтобы ты мне рассказал о своей поездке. Желательно, с подробностями.

Брат вздохнул и поднялся.

– Ладно, давай выйдем. Там я тебе всё расскажу.

Мы прошли на двор, остановились возле поруба.

– Посадил дед репку, – начал свой рассказ Степан.

Я уставился на него, словно дятел на дерево, оказавшееся вдруг железным. А он, нисколько не смущаясь, продолжил:

– Выросла репка большая-пребольшая. Да ты её, поди, и сам видел. Верхушка только оторвана, – в ответ на вопросительный взгляд, я машинально кивнул, и брат продолжил: – Дед со своей бабкой, надо заметить, одинокие...

– А как же внучка? – спросил я. – Жучка, опять же...

– Внучка вышла замуж и укатила в Темноельское королевство. Насчёт Жучки не знаю. Собак, кошек и прочего зверья на плантации хватает. Только вот тосковали старики по детям.

Степан, кажется, ушёл в себя на какое-то время. Я кашлянул, вырывая его из размышлений. Он вскинул голову, поглядел на меня, словно вспоминая, на чём закончил.

– Прости, задумался, – проговорил брат. – Дети... Так вот. Год назад они нашли на плантации, как раз возле той самой репы, маленькую девочку.

– Той самой? – удивился я. – Я думал, они только одно лето растут.

– Далёк ты от сельского хозяйства, – улыбнулся Степан. – Впрочем, как и я. Значит, приютили они малолеточку. Несмотря на то, что остальные жители отнеслись к появлению странного ребёнка настороженно. А некоторые даже враждебно. Но девочка весь год вела себя смирно, помогала старикам, как могла, от общественных работ тоже не отказывалась. Единственное, что к водоёмам не подходила. И, да, молчала постоянно.

– А как же они общались? – я почесал макушку. – А ещё человека надо как-то звать.

– Как-то общались, – пожал плечами брат. – А имя... Старики называли её Липунюшкой. Или Липой, если надо было покороче. А вот местные называли Букой. – Я хмыкнул. Он кивнул и продолжил: – Была ещё одна странность, о которой знали старики, но не догадывались остальные жители. Девочка ночью покидала дом и возвращалась лишь под утро.

– И они никому не сказали? – усомнился я. Привязанность привязанностью, но безопасность окружающих в нашем суровом мире должна быть на первом месте.

– А зачем? – Степан развёл руками. – Никаких жертв утром не находили. Никто из жителей не пропадал. А сами по себе прогулки по ночам – странность, не более.

– Ладно, переходи к сути, – поторопил я.

– Сейчас всё будет, – ухмыльнулся брат. – Накануне один из местных молодцев заснул после гулянки прямо в поле. Проснулся среди ночи. Услышал за большой репой чавканье. Осторожно выглянул. И догадайся, кого он там увидел?

– Девчонку? – предположил я.

– Он увидел маленькое злобное существо, рвущее зубами в клочья тушку забежавшего на плантацию зайца. Под остаточным действием алкогольных паров он выскочил из-за репы и попытался скрутить Буку. Но спустя пару секунд перелетел через корнеплод, сломав ключицу и верхушку репы. После этого парень изрядно струхнул и поспешил за помощью.

– И она его так просто отпустила? – усомнился я.

– Видимо, у неё не было желания кого-либо убивать. В результате толпа обозлённых и напуганных жителей обложила дом стариков и потребовала выдать девочку, которая к тому времени уже расправилась с зайцем и вернулась.

– Что, так ему сразу все и поверили?

– У страха глаза велики. И, кстати, страх этот оказался далеко не беспочвенным. Увидев, что их обложили, Липунюшка выскочила через трубу и вихрем налетела на толпу. Здоровенные мужики разлетались, точно голуби от развесёлых мальчишек. Она никого не покусала и не поцарапала. Однако, когда из одного разбитого таки носа брызнула кровь, девочка преобразилась, окончательно доконав своим жутким видом и так уже напуганный народ.

– Как я их понимаю, – хмыкнул я, вспомнив свои ощущения от первой встречи с вурдалачкой.

– Короче, все ломанулись в дом старосты и там забаррикадировались. А девочка, сама испугавшись того, что произошло, тоже спряталась на поле. Где, собственно, её и встретил ты.

– А старики? Неужели они её не искали?

– Старик как раз отхаживал старушку, которая из-за ночных волнений совсем слегла. К тому моменту, когда мы с ребятами прибыли, она уже оклемалась. Старики нашли девочку и пытались уговорить уйти из селения. А местный люд, вооружившись более серьёзно, осторожно подступал к плантации.

– По-моему, увидев вооружённых людей, она должна была проявить ещё большую агрессию, – предположил я.

– Так и было, – Степан кивнул. – Но, – он поднял указательный палец, – тут в дело вступил Тишка. После его трубного гласа опасный зверь снова превратился в маленькую девочку.

– Что-то не замечал за ним раньше подобных миротворческих умений.

– Я всегда знал, что Тишка — не обычный зверь, – улыбнулся брат. – Старики попросили позаботиться о Липе. Остальные жители тоже не возражали против того, чтобы девочка покинула селение. Я потратил ещё некоторое время, дабы выяснить подробности, которые тебе сейчас и рассказал.

– И ты не подумал, что появление вурдалачки у нас может быть опасным? – удивился я. – С чего такая несвойственная тебе беспечность?

Степан поглядел на меня, как мне показалось, осуждающе.

– Самое главное, она может контролировать свою жажду крови, – брат потряс пальцем в воздухе. – Ни одной жертвы, шлёпанцы Суворова!

– Всё равно, – хмыкнул я. – Какое-то несвойственное тебе мягкосердечие.

Брат несколько растерянно улыбнулся.

– Марфа мне вчера сказала, что я буду папой.

– Поздравляю, конечно. Но, насколько я знаю, раньше это тебя не трогало.

Будучи старше меня более, чем на 10 лет, Степан уже был неоднократно женат. Кажется, и дети были. Но подобной сентиментальности я раньше за ним не замечал.

– Видимо, старею, – вздохнул он и снова улыбнулся.

15

Я не стал долго задерживаться на пиру. Во-первых, всё-таки волновался по поводу девчонки. А во-вторых, если завтра мне предстояло путешествие на летучем корабле, стоило выспаться.

С утра надо было сходить на место нашей встречи с Ягой. Предупредить мою наставницу о грядущей отлучке. А ещё я надеялся, что старушка, которая много лет назад обучала маму в военной школе, даст хоть какие-то рекомендации, как её искать. Потому как летающая посуда – это, конечно, хорошо. Но и радиус поисков неплохо бы ограничить.

Перед тем, как лечь спать, я зашёл на конюшню. И на входе, который для противоположной стороны являлся выходом, буквально столкнулся с Липунюшкой и Че.

– На ночную охоту? – я хмуро поглядел на эту парочку.

Котёнок что-то промурчал. А девчонка остановилась и склонила голову на бок, внимательно рассматривая меня.

– Липа, – я постарался совместить в голосе убеждающе-просительные и настойчивые нотки. – Пойми, Степан тебе доверился. Хотя и не должен был. Прояви, пожалуйста, уважение к нему и к Тишке. Не подводи.

Девочка сделала шаг назад, продолжая сверлить меня взглядом.

– Пусть даже ты и не нападёшь на прохожих, – не успокаивался я. – Кто-то может тебя увидеть и подумать... Что-то вроде того, что у вас в селении произошло.

Вурдалачка посмотрела на Че. Тот в ответ фыркнул.

– У нас и так слишком многое случилось за этот день, – резюмировал я. – Давай не будем усугублять положение. А завтра на свежую голову придумаем, как с тобой быть.

Липунюшка наморщила носик, развернулась и демонстративно подняв подбородок отправилась в стойло Тишки.

А вот маленький ушастый котёнок, зараза фиолетовая, снова фыркнул и с быстротой молнии исчез в темноте улицы.

– Спасибо за понимание, – тихо сказал я в спину девочке и развернулся, чтобы уйти.

– Спасибо за понимание, – донёсся до меня сонный голос Ницше. – Ваше мнение важно для нас. На этом экипаж прощается с вами. До новых встреч в эфире.

Я заинтересовался, что это он там лопочет, и подошёл к его стойлу. Мой непарнокопытный приятель спал стоя, свесив голову и посапывая.

– Спокойной ночи, – я улыбнулся его умиротворённому виду.

– Спокойной ночи, малыши, – пробормотал ослик. – Спят усталые игрушки, выпьем с горя, где же кружки... А теперь взрослые новости...

– Переволновался, бедолага, – решил я.

Да уж, обилие произошедших сегодня событий могло вывести из психического равновесия любого здорового мужика. Не говоря уже о мирном ослике с тонкой душевной организацией.

По дороге к выходу я заглянул в стойло боевого быка, постигшего смысл жизни. Он тоже спал стоя. Но, в отличие от Ницше, молчал. Впрочем, как и всегда.

Липунюшка, развалившись на его широкой спине, как на роскошном диване, подняла голову и поглядела на меня.

– Спокойной ночи, – одними губами пожелал я.

Она не ответила. Лишь снова опустила голову.

Стараясь не шуметь, я вышел прочь с конюшни. Постоял, подышал, успокаивая роящиеся в голове бестолковые мысли.

Со стороны палат доносилось нестройное пение. Слов было не разобрать. Я уловил только что-то вроде:

Но я играю эту роль,
А виноват в том алкоголь.

Не знаю такой песни. Видимо, наши гости из поднебесья внесли свою лепту в репертуар. Лучше бы про дельтаплан спели.

Медленным шагом, поглядывая на обильно высыпавшие в тёмных небесах августовские звёзды, я добрёл до своего холостяцкого жилища. Свет не зажигал. Брякнулся прямо в одежде на скрипнувшую кровать, положил руки под голову.

Тоже мне, родственнички... Ну, спелись они, допустим, быстро. Даже решили вдвоём на ночную охоту отправиться.

А девчонка, вроде, в порядке. Соображает. Возможно, Степан не пожалеет о своём решении. Да и мы все вместе с ним.

Может, взять её с собой в путешествие? И город наш избавлю от проблемы. И в пути, авось, на что сгодится. Для охоты, например.

И куда я её потом дену? Отдам Антуану Пустопорожнему в комплекте с вожаемым фиолетовым котёнком-чебуриком?

Ну, вы поняли. Мысли были какие-то сумбурные, невнятные и жутко бестолковые.

Я на минуту прикрыл глаза. А потом, открыв их, в смятении уставился на два зелёных огонька, появившихся где-то в районе стола.

Замерев, я всмотрелся, напрягая зрение в попытке разобрать, кому же они принадлежат, и гадая, что предпринять.

Зелёные огоньки вдруг исчезли. А через мгновение что-то легко приземлилось мне прямо на грудь и затарахтело.

– Че! – воскликнул я, положив руку на тёплое пушистое тельце. – Ах ты, зараза маленькая! Ты ж меня так до Кондратия Миокардыча доведёшь!

Действительно, сердце моё выбивало ритм бешеной пляски. Маленькие коготки чуть впились в кожу. Прямо сквозь рубаху.

Как ни странно, это иглоукалывание действовало успокаивающе. Пульс мой выровнялся. Я нащупал в темноте котёночьи уши-лопухи и почесал их.

– Больше так не делай, – предупредил я.

Котёнок, разумеется, не ответил. Даже массаж свой не прекратил.

Мысли мои становились всё более вялыми и отстранёнными. Под воздействием когтетерапии и успокаивающего тарактения я очень быстро заснул.

16

Странно, но мухи на этот раз меня не побеспокоили. Было ли тому причиной присутствие фиолетового котёнка, я так и не понял. Когда проснулся, того уже не было в комнате. Как и мух. Переловил он их всех за ночь, что ли? Или они решили нынче кого другого довести?

Солнце коснулось своими лучами края земли, осыпав золотом верхушки деревьев и крыши домов. Я открыл глаза, потянулся и, полный сил и желания двигаться в новый день, вскочил с кровати. Натянул сапоги и потрусил к колодцу.

Навстречу попалась Жанна, несущая на коромысле два ведра студёной водицы. Заулыбалась, когда я подхватил ёмкости и поволок на кухню. Не слушая её восторгов, снова вернулся на колодец. Умылся.

Всё. Теперь пора на встречу с Ягой.

Рысцей я пробежал по вяло шевелящимся со сна улицам. Граждане проявляли сознательность, принимаясь исполнять свои ежедневные обязанности. Повсюду слышались шорканье и шарканье, сопение и поскрипывание, позвякивание и позёвывание.

Утро выдалось свежее. Так что я даже не вспотел, когда вбежал под тень деревьев небольшой рощицы, куда мы перенесли наши с Ягой встречи. Сначала старушка, помнится, предложила Тараканий лес. Но после того, как на нас вышло поглядеть местное любопытное мутировавшее зверьё, одумалась. Не то, чтобы Яга их боялась. Просто, согласитесь, весьма сложно вести поучительные беседы, когда все вокруг норовят попробовать тебя на вкус.

Я вышел на нашу полянку и огляделся. Старушки нигде не было видно. Дабы попусту не терять времени, я поотжимался, поприседал. Затем, приняв упор лёжа, стал медленно, по паре миллиметров на каждый вдох-выдох, опускаться вниз.

– А теперь замри, – внезапно донеслось слева и чуть сзади, за пределами видимости.

Я послушно застыл. Положение было весьма неудобным. Поэтому уже через полминуты я пыхтел, как древний механизм паровоз. Руки начали ощутимо трястись.

– Долго ещё? – пробурчал я.

– Чуть больше, чем ты смог бы выдержать, – ехидно ответила Яга.

Я скрипнул зубами. Я пытался. Я честно пытался выстоять больше, чем могу.

Но меня бессовестно прервали. Из кустов донёсся дикий визг, рык, шипение... Затем кусты с треском выпустили на поляну сцепленный клубок. Маленький. Но полный ярости. Он прокатился по полянке, окончательно выбив из-под меня и так уже шаткую опору.

Я рухнул и поспешил откатиться в сторонку, пока меня не укатали. Кто именно выступал в роли катка, не было никакой возможности разглядеть. Уж больно шустро всё мелькало внутри клубка ярости.

Ситуацию прояснила Яга. Она примерялась и отточенным движением выудила из поднятого облака пыли зайца. Его противник, точнее, противница, под действием образовавшегося вакуума отскочила к кустам. В тот же миг она оказалась вздёрнута кверху ногами.

Мишка с удивлением глядел на яростно извивающуюся в его лапах девчонку. Грызёк же, очутившись в руке любимой старушки, тут же затих.

– Липа! Фу! – я вскочил и погрозил вурдалачке пальцем, а потом им же указал в сторону приютившегося на руках Яги зайца. – Это не дичь!

Девчонка вывернулась из лап медведя и принялась молотить его по животу. Мишка с удивлением наблюдал за ней, ничего не предпринимая.

– Это что за хулиганка мелкая? – обратилась ко мне старушка, накручивая ухо зайца на палец. Грызёк не только не возражал. Он, похоже, млел от этого.

– Вурдалачка, из-за которой вчера на Чуднинском паника была.

– Жертвы?

– Без жертв. Только напугала.

Яга отстранила зайца от груди, и он тут же спрыгнул на землю. Старушка вразвалочку подошла к разбушевавшейся хулиганке и кашлянула. Вурдалачка стремительно развернулась с однозначно агрессивными намерениями. Но палец Яги неожиданно ткнул её в лоб, и девочка тут же кулём повалилась в траву.

– И с чего ты решил, что она вурдалачка? – моя наставница наклонилась и приподняла прядь чёрных волос, скрывающих левое ухо Липунюшки.

– Видели бы Вы, как она поменялась, когда кровь увидела, – я заинтересованно поглядел на заострённое в верхней части ухо, отдалённо похожее на локаторы летучей мыши.

– Вурдалаки – это нечто другое, – Яга покачала головой.

– А кто же она тогда? – я нахмурил брови, вспоминая услышанное вчера имя. – Бэтман, что ли?

Яга хихикнула и уже с серьёзным видом ответила:

– Она из Альфов.

– Альфман? – мои брови взметнулись кверху. – Первый человек? А Бэтман, значит, всё-таки второй?

Старушка выпрямилась и посмотрела на меня, как на умалишённого.

– Что за бред, Вань?

Я смущённо потупился. А бабуля прошла к краю поляны и села на пенёк.

– С одной стороны, ты прав, – снизошла до пояснений старушка. – Альфы – действительно, первые. Но не совсем люди.

– А кто? Вурдалаки? – вид у меня, должно быть, был глупый.

– Да что ты заладил? – вздохнула Яга. – Вурдалаки – это люди, больные острой формой лейкоэнцефалитической эпилепсии. А Альфы – существа с изменённой генетикой, выращенные в лаборатории.

– Ага, – тупо кивнул я. – Всё понятно. Вурдалаки болеют, а Альфы эти... генномодифицированные. Вроде нашего Тишки.

– Кто такой Тишка? – заинтересовалась старушка.

– Боевой бык моего брата.

– А, это тот, который урок гонял? – улыбнулась Яга. – Не, он не из Альфов.

Я почесал макушку.

– Ну, ладно. А эти Альфы, они как, опасны?

– Разумеется, – старушка кивнула. – Как и любой дикий зверь. И были бы ещё опаснее, если бы не были такими индивидуалистами.

– В каком смысле?

– Если бы они могли образовывать стаи, подчинившись самому сильному, то представляли бы гораздо большую проблему. Но Альфы ценят только свои собственные интересы.

– А какие у них интересы?

– Трудно залезть в голову искусственно выведенному существу, – Яга пожала плечами.

Я нахмурился.

– А для чего их вообще выводили?

– Первоначально – для диверсий в тылу противника, – ответила старушка. – Ведь обычный человек, даже военный, не станет подозревать маленькую девочку, – Яга указала взглядом на Липу, – или пушистого беспомощного котика.

– Котика? – я подался вперёд.

– Стоп, – скомандовала наставница и погрозила пальцем кому-то за моей спиной, – на твоём месте я не стала бы этого делать.

Я обернулся. Липунюшка уже пришла в сознание и, кажется, была готова прыгнуть то ли на меня, то ли на боевую старушку.

– Липа, фу! – скомандовал я.

Девочка зло покосилась на меня, но выпрямилась и заложила руки за спину. Грызё с воинственным видом пропрыгал перед ней, что-то яростно лопоча.

– Значит, опять подлое эхо войны? – я изобразил кривую улыбку. – Сколько же лет этой маленькой девочке, если её засылали в тыл противника? Насколько я понимаю, это могло случиться только во времена Последней войны?

– Вряд ли она из тех, первых Альфов, – Яга не сводила взгляд с девчонки.

– Ничего не понимаю, – я схватился за голову. – Их что, кто-то до сих пор выводит?

– Без малейшего понятия, – старушка вновь пожала плечами. – Генетический материал хранится долгие годы. Кто знает, к кому он мог попасть?

– Они из яиц, что ли, вылупляются? – вспомнил я предположение Ницше.

Бабуля вместо ответа лишь хихикнула в кулачок. В задумчивости я присел прямо на траву рядом с импровизированным креслом Яги.

– Я, собственно, пришёл вот по какому вопросу, – собрав мысли в кучку, произнёс я. – Благодаря представившейся возможности, я завтра отправляюсь на поиски мамы.

– Светланки, что ли? – кажется, я смог отвлечь наставницу от Альфы. – И где же ты собираешься её искать спустя... сколько там лет прошло?

– Появились сведения. И транспорт.

– Это ты про то летающее корыто, которое к вам вчера пришвартовалось? – Яга скептически глянула на меня. – Сведения, поди, такие же древние, как вид того тазика?

Я не нашёлся, что ответить. Бабуля была права. Но ведь я имею право на надежду?

– Впрочем, все мы имеем право на надежду, – прочитала мои мысли старушка. – Ты хотел узнать, могу ли я как-то облегчить твои поиски?

– Ваша проницательность приводит меня в трепет, – признался я.

– Лесть бесстыдная, но приятная, – улыбнулась Яга. – Ладно, дам тебе одну зацепочку. У вас в арсенале сигнальные ракетницы есть?

– Не знаю. Я как-то не слишком в курсе.

– Это упущение, – старушка поморщилась. – Ну, ладно. Дам я тебе одну. Где-то у меня завалялась. И ракеты дам. Таких у вас всё равно нет. Запускай вечером, через пару часов после заката. Если Светланка окажется рядом, она придёт.

17

В сопровождении подозрительно смирной Липунюшки я вернулся на подворье. В небольшой суме, выданной мне Ягой, чуть позвякивали бочонки сигнальных ракет. Сама ракетница – небольшой пистолет с широким дулом – располагалась в отдельном кармане.

Девочка тут же завернула на конюшню. Я же отправился на поиски наших небесных гостей.

Правда, первым я наткнулся на батюшку. Он стоял, прислонившись к стене поруба, и радостно махал мне рукой. Подозрительно бодро и радостно.

– Утренний моцион? – поинтересовался Никанор, когда я приблизился к нему.

– Встреча с Ягой, – улыбнулся я. – Мы стараемся проводить тренировки по вторникам и пятницам.

– И как, получается?

– Периодически. Сегодня, правда, не получилось.

– Про мамку спрашивал? – проявил проницательность батюшка.

– Да, – я кивнул и испытующе поглядел на него:– Гости уже рассказали?

– О том, что ты снова от меня решил сбежать? – проговорил царь, кажется, с укором.

– Почему обязательно сбежать? – опешил я. – Если появилась возможность найти маму, я намерен ей воспользоваться!

– И что тебе дома не сидится? – вздохнул отец.

– Когда ещё путешествовать, как не в моём возрасте? – я развёл руками. – Пока забот особых нет, да здоровье позволяет.

– Заботами обеспечим, – оживился Никанор. – Хочешь, я тебя министром культуры сделаю? Или физкультуры. Ты ж вон ходишь, тренируешься.

– Нет уж, спасибо, – я поджал губы.

– Ну и напрасно. Слушай, – батюшку посетила новая мысль, – а давай ты будешь детишек тренировать. Что они без толку мячик гоняют? Ты ведь, помнится, неплохо с ним управлялся. Потренируешь мальцов, а потом мы в целях улучшения международных отношений чемпионат устроим. По этому, как его... По футболу. Налоги под шумок повысим...

– Как бы вместо улучшения отношений наоборот не получилось, – скептически хмыкнул я. – А то неровён час, проиграют соседи, обидятся и эмбаргу какую-нибудь затеют. Или вообще, войну объявят.

– О чём речь? – к нам, зевая, подходил Антуан Пустопорожний.

– Батюшка пытается отговорить меня от поездки, – ответил я.

– Предлагаю возглавить национальную сборную нашего... этого... тридевятого царства, – выдал царь, слегка задумавшись при произнесении нового наименования страны. – У вас наверху как с этим делом? В футбол играют?

– Нет, – протодиакон яростно замотал головой, – у нас рабовладение запрещено.

– При чём тут рабовладение? – мы с батюшкой непонимающе переглянулись.

– Понимаете, – Антуан обратился к глубинам памяти, – перед Последней войной сложилась довольно странная ситуация. Публичная торговля людьми в рамках транзакций между спортивными клубами оскорбляла демократические силы планеты. Тем более, что суммы этих трансферов зачастую превышали годовой бюджет целого ряда стран.

– Ни кропа себе, рабы! – воскликнул Никанор. – Вань, может, продадим кого-нибудь для пополнения казны? Гаврилу Отрыжкина того же. Он парень видный. К тому же неплохо жонглирует яблоками – я видел, как перед девицами давеча выпендривался.

– Кто ж его купит? – усомнился я. – У нас таких парней, хоть телеги грузи. Особенно, когда на пиру наберутся. Он же не этот, – я порылся в памяти, припоминая хоть какое-нибудь имя, упоминаемое в моих книжках в связи с футболом, – не Пелевин.

– Кто такой Пелевин? – четыре глаза уставились на меня вопросительно.

– Футболист... кажется, – я не был абсолютно уверен в том, что именно всплыло в моей утомлённой событиями прошедшего дня голове. – Он, вроде бы, бразильянец был.

– А почему тогда фамилия русская? – озадаченно поинтересовался Антуан.

– Наверно, поменял, когда его к нам в рабство продали, – принял у меня эстафету Никанор. – Зато страна его бразильянская после этого озолотилась. И наладила серийное производство рабов-футболистов. Они, поди, доход приносили гораздо больше, чем какой-нибудь кофей.

Протодиакон с нескрываемым подозрением глянул на батюшку, поражённый его излишней осведомлённостью. Тот хмыкнул:

– Лично я бы так и поступил. И рты лишние кормить не надо. Они ж, спортсмены эти, жрут, поди, за четверых! И агрессивные, наверняка, как Мамай и Кокор!

– Кто, простите? – уточнил Антуан.

– Это персонажи скоморошних баек, – пояснил я. – Хулиганистые, вроде Петрушки.

– Так что ты, Ванюша, подумай о моём предложении, – отец положил мне на плечо руку. – Наладим с тобой производство. Будем продавать футболистов направо и налево... Совершать эти... трансферы. Хошь, в окно трансферное, хошь, в дверь! Что скажешь, Аркадий Петрович?

Появившийся рядом за время нашей оживлённой беседы поэт выглядел, прямо скажем, измученным. Он неопределённо махнул рукой в ответ на вопрос Никанора. Взгляд у него был какой-то отстранённый и блуждающий.

– Бессонная ночь? – хохотнул батюшка, явно намекая на последствия после обильных возлияний на вечернем пиру.

– И не говори, – вздохнул Аркадий Петрович. И тут же опроверг догадки царя: – Жуткий кошмар приснился. Никак после него заснуть не мог.

– Кошмар? – заинтересовался Антуан.

– Урки приснились? – предположил батюшка.

Ароз Азорин отрицательно покачал головой.

– Приснилось мне, что тот зелёный мужик, которого мы вчера видели, вылез-таки из-под земли. Отряхнулся, так что земля вокруг задрожала. И из-за слоя паутины, мха и травы показался задорного вида молодой человек. Встал во весь рост, глазища сверкнули голубыми молниями. Гигант погрозил пальцем, – поэт судорожно сглотнул. – И как шагнёт ко мне! Я бежать... А он топчет следом и укоризненно так твердит: «Шаганэ ты моя, Шаганэ»!

18

К обеду мы были готовы отправиться в путь. Оставалось решить ещё пару вопросов. Так что я отправился на конюшню.

- Когда отчаливаем? – Ницше встретил меня в воротах бодрым пританцовыванием.
- Ты что, со мной собрался? – не то, чтобы меня это удивило. Я просто о таком не думал.
- Конечно, – ослик оскалился. – Мы же с тобой напарники! Куда ты, туда и я!
- Ладно, – я кивнул, – если хозяева нашей посуды не будут против, то и я не возражаю.

Меня больше беспокоит Альфа.

- Какая ещё Альфа? – не понял Ницше.
- Липа. Липунюшка. Девчонка с плантации.
- Вурдалапочка, что ли?

– Ну, да. Только она не вурдалачка, – я постарался припомнить всё, что мне рассказывала Яга. – Вурдалаки – это больные люди. У них эта... эллиптическая диспепсия, – судя по вытянувшейся морде моего непарнокопытного приятеля я понял, что ляпнул что-то не то, и потому поспешно добавил: – А она – Альфа. Это такие генномодифицированные существа, которых когда-то выводили для диверсий, но из этого ничего путного не вышло, потому что они эгоистичные индивидуалисты без царя в голове, гуляют, где вздумается и никого в грош не ставят.

– Альфа – это буква греческого алфавита, – выговорил Ницше спустя полминуты. – Первая.

- Я знаю.
- Ну, и какая из неё Альфа? Ну, согласись, глупо звучит!
- Я пожал плечами. Вроде, нормально.

– Что с ней делать то? – меня волновал прежде всего именно этот вопрос, а не лингвистические и филологические нюансы.

- Берём с собой! – без тени сомнения заявил ослик.

– А она возьмётся? В смысле, она же к своему наставнику-быку привязана. Ты же сам утверждал.

- Сейчас договорюсь.

Ницше потрусил вглубь конюшни, к стойлу своего рогатого приятеля. Я последовал за ним, ища глазами девчонку.

Сверху что-то зашуршало. Я поднял голову и вовремя успел подставить руки, поймав свалившегося с балок перекрытия фиолетового котёнка. Он тут же замурлыкал.

А вот Липунюшка, висевшая наверху вниз головой, к моему облегчению спрыгивать не торопилась. Она лишь сверкнула на меня белками глаз.

Тишка в сопровождении Ницше вышел из своего стойла. Я не слышал, чтобы ослик ему что-то говорил. Но разговор, похоже, уже состоялся. Бык поднял голову, поглядел на зависшую под крышей девочку и издал негромкое «му».

Липа как-то странно, точно опадающий осенний лист, спланировала на пол и встала перед своим рогатым наставником. Между ними, похоже, состоялся беззвучный разговор. А потом малышка подошла и обняла быка за объёмную шею.

– Значит, вопрос решённый, – констатировал ослик. – Альфийка отправляется с нами. Будет вас, двуногих, защищать.

- Я скептически посмотрел на девочку, но своих сомнений не высказал.

– Пойдём, подберём тебе одежду поудобнее, – махнул я ей. – А то твоё платье скоро развалится от подобных упражнений.

Лишь после нескольких попыток позаимствовать одежду у служанок на подворье я осознал, что вообще-то зря искал что-то для девочки. Надо сказать, наша детская мода весьма кон-

сервативна, если не сказать убога. Какой смысл менять измазанное и потёртое платье на чистое и целое, если оно через малое время превратится в грязную тряпочку?

В своих метаниях я наткнулся на Жанну. Она шла со стороны царских палат с огромной корзиной в руках. Оттуда задорно выглядывали хвостики кабачков.

– Ванюша, что за малышка с тобой? – кухарка широко улыбнулась семенящей рядом со мной Липе.

Девчонка остановилась чуть поодаль, соединив носки поношенных туфель и исподлобья глядя на огромную тётку.

Я не стал пугать Жанну рассказами о вурдалаках и всяческих генномодифицированных Альфах и сказал первое, что пришло в голову:

– Её вчера Степан привёз. Липунюшкой звать. Девочка сирота. К тому же, немая, – видя, что сердобольная кухарка протягивает руку в характерном жесте, поспешил предупредить:– Не надо её трепать за щеку, может укусить.

Жанна изменила траекторию движения, но от своего желания не отказалась. Поменяла только объект своих ласк.

– Ванюша, какой ты у нас добрый, – я не стал отстраняться от мягкой длани, легко ущипнувшей мою щёку.– Каждой сиротинушке норовишь помочь!

– Кстати, Жан, не знаешь, где разжиться какой-нибудь одеждой? – я с надеждой посмотрел на кухарку.– А то видишь, какая она поношенная.

– Да уж, лохмотья просто, – скривила губы Жанна.– А ты поспрошай у дворовых девок. Что-нибудь подберут. Тебе-то не откажут!

– Понимаешь, ей нужна одежда более удобная. Более мальчишеская, что ли. Я сегодня отправляюсь в путешествие и беру Липу с собой.

– На кого ж ты нас опять покидаешь? – ахнула Жанна, всплеснув руками.

– Появилась надежда найти маму. Так что насчёт одежды?

Кухарка обошла вокруг косящейся на неё девочки, пристально оглядывая с растрёпанной головы до босых пяток.

– Пожалуй, ей подойдёт твой детский охотничий костюм, – задумчиво проговорила она наконец.– Помнишь, тот, кожаный. С кучей кармашков.

Я улыбнулся воспоминаниям, связанным с этой удобной вещицей. Мне всегда нравилось лёгкое поскрипывание кожи и не выветривающийся с годами запах. В той одежде я всегда ощущал себя героем, богатырём.

– А где он? Я из него уже лет десять, как вырос.

– Должен быть в сундуке. Пойдём, ключ дам.

Мы прошли в комнату Жанны. С верхней полки древнего буфета она извлекла большой узорный ключ и протянула мне.

– Только я с вами на чердак не полезу, – сказала она.– Так что давайте сами.

По длинной скрипучей лестнице мы с Липунюшкой поднялись наверх. На чердаке было темно и пыльно. Кроме здорового сундука на полу вдоль стен стояли стеллажи с какой-то рухлядью. С потолка свисали целые города из жирной, липкой паутины. Пришлось их изрядно порушить. Но иначе пробраться к нашей цели не представлялось возможным. Прежде чем мы добрались до заветного сундука, Липунюшка чихнула два раза, а я все пять.

Но вот щёлкнул замок. Я откинул крышку. И тут уж не мог отчихаться несколько минут. Когда же я смог справиться со злым аллергеном, обнаружил девочку стоящей рядом с сундуком уже в обновке. Точнее, в моей старой одежде.

– Тебе идёт, – оценил я.

Мой детский костюмчик и в самом деле сел почти идеально. Штанины, правда, оказались чуть коротковаты. Но сапожки скроют этот недочёт. Кстати, где они?

– Там ещё сапоги должны быть, – я указал на сундук.

Липа чихнула. Потом наклонилась и, чуть порывшись в недрах сундука, подняла над его краем один сапжок. Из его голенища сначала показались большие уши-локаторы. А затем сверкнули зелёные глазища, и на меня уставился Че.

– А этот тут откуда? – удивился я. – Тоже мне, кот в сапоге!

Котёнок мявкнул, выскочил из обуви и в мгновение ока очутился у меня за пазухой. Я дёрнулся, когда лапки слегка щекотнули живот. Когда же я снова поднял взгляд на девчонку, она уже натянула на себя освобождённые от квартиранта сапоги.

– Ну, как? – спросил я. – Не жмут, не соскакивают?

Липа на миллиметр приподняла уголки губ и воздела кверху большой палец правой руки, приведя меня в лёгкий ступор.

19

Ну вот без прощального обеда, плавно перетекающего в ужин, мы никак не могли обойтись! Батюшка не собирался ударить в грязь лицом перед небесными гостями, укормив и упоив их перед отправлением. Те, кажется, не возражали.

Когда я выбрался с чердака и собирался найти их, чтобы спросить о времени отправления, меня поймал Сафон, наш глашатай по связям с общественностью, и передал настойчивое приглашение к столу.

Пригвоздив меня суровым взглядом, он сказал:

– Царь-батюшка шлёт ультимативно-нормативное приглашение во избежание международного скандала и дестабилизации политической ситуации.

Похоже, отвергнуться было нельзя. Хотя, какой мог случиться международный скандал из-за моего отсутствия, я не мог даже представить.

Я тут же отправил Липунюшку на конюшню, посоветовав на всякий случай быть готовой. А сам последовал приглашению.

Лишь открыв двери в пиршественный зал, я понял, что мы сегодня вряд ли отчалим. Потому как водители нашего корабля, или капитаны, или как их там ещё назвать, были уже навеселе.

Хотя, с другой стороны, говорят, что пьяному море по колено. Но это море. А как насчёт небес? Какие там правила дорожного движения?

– А-а, Иван! – Антуан Пустопорожний расплылся в улыбке. – Где ты пропадал? Мы тут без тебя уже начали отплывать...

– Антоша хотел сказать, отмечать, – поправил Аркадий Петрович.

– Чего отмечать? – удивился я.

– Отбытие дорогих гостей, – вставил слово царь. Он выглядел совершенно довольным. – Не каждый день от нас такие гости отбывают!

– Папа, если вы будете столь старательно отмечать, то отбытие, боюсь не состоится, – я сверкнул глазами на батюшку.

Он и ухом не повёл:

– Днём раньше, днём позже – какая разница?

– Если я сказал, что мы отплывём – значит, отплывём! – с торжественным видом заявил Антуан. – Я – хозяин своего слова!

– Куда торопиться? – пожал плечами Аркадий Петрович.

– Если я сказал, что мы отплывём – значит, отплывём! – не унимался протодиакон. – Я сейчас себе, да и Варягу, на всякий случай, напоминалочку поставлю... к примеру, на девять часов вечера, – протодиакон принялся что-то делать со своей пипкой.

– Вот неугомонный, – хмыкнул Никанор. Когда я сел на своё место, он наклонился ко мне и сказал: – Откровенно говоря, я всё-таки надеялся, что вы ещё на денёк задержитесь.

– Так я и знал, что это твои происки, – я усмехнулся и наполнил тарелку.

В принципе, лично я не видел особой необходимости отчалить именно сегодня. Просто, я уже с утра настраивался на путешествие.

Я неспешно набивал живот, принципиально отказываясь от хмеля. Остальные же присутствующие ни в чём себе не отказывали.

Не скажу, сколько точно прошло времени, когда Аркадий Петрович встал из-за стола и провозгласил, перекрывая шум:

– Стихи. На посошок.

Все тут же умолкли. Поэт прочистил горло и начал:

У края мира ясень мощный
На перекрёстке всех дорог.
И днём, и ночью между веток
Гуляет белка Рататоск.
Идёт направо – в Нифльхейме
Усы морозит, а когда
Идёт налево – ждёт гулянка
В пределах града Асгарда.
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Одно – коняжка-осьминожка,
Другое – волк, исполненный очей.

В этом месте Аркадий Петрович замолк ненадолго, нахмурился, тихо бормоча себе под нос что-то вроде «с ними золотой орёл небесный». Спустя несколько секунд черты его лица разгладились, и он продолжил декламировать:

Там нить судеб соткали норны;
Там на заре ударит Мьёллнир
О череп йотуна пустой,
И асы вылезут в тельняшках,
В блестящих латах, прямо няшки.
И с ними Один. Он крутой.
Там хитрый Локи мимоходом
Угнал из Хеля Нагльфар;
А Йормунганд перед народом
Чуть не разрушив мост Биврёст
Кусает свой длиннющий хвост.
А в Муспельхейме Сурт недужит
И с головой совсем не дружит.
Там тупо вглядываясь вдаль
Хранит границу сам Хеймдалль.
Там Тор на спор тягает гири;
Там вдруг раздастся клич валькирий!
И там я был, мёд с Браги пил;
У моря видел ясень вечный;
Под ним сидел, Мимир беспечный
Свои мне саги говорил.

Аркадий Петрович оглядел примолкших пирующих. Под их непонимающими взглядами он сел, пожал плечами и опорожнил кубок.

– Боюсь даже спросить, – подал голос царь, – это вот сейчас к чему было?

– Кто все эти люди с непроизносимыми именами? – поддакнул Абрам.

– Нормуль, – Антуан убрал свою пипку куда-то за пазуху, – записал. – И тут же пояснил обернувшись к нему Никанору: – Ароз Петрович только что изложил концепцию нашего предстоящего путешествия. Блеснул познаниями в теме, разметав бисер своего интеллекта перед свиньями зрительской аудитории нашего интерактивного блога.

Я увидел, что бояре привстают со своих мест. Судя по выражениям их закалённых пирами лиц, упоминание свиней они приняли на свой счёт.

– Мне кажется, нам пора! – я встал и поправил на изрядно увеличившемся животе пояс. – Иначе, боюсь, наш корабль без нас уплывёт.

– Да куда он денется? – отмахнулся поэт. – И, между прочим, это драккар!

– Мы ещё только начали веселье! – протоиерей тоже не хотел покидать наше гостеприимное царство. – Я требую продолжения банкета!

Вдруг из рукава моей рубахи вынырнула маленькая ушастая мордочка. Че принялся и, схватив кусок курицы в два раза больше себя, фиолетовой молнией помчался по столу. Его объёмная добыча сшибала на пути горшки и тарелки, но нисколько не влияла на скорость.

– Че! – радостный вопль Антуана Пустопорожного оглушил меня.

Протоиерей выскочил из-за стола, отдавив Абраму ногу. Аркадий Петрович тоже помчался за котёнком, но по другой причине – этот мелкий пакостник утащил курицу именно с его тарелки. Я вздохнул, и под недоумевающим взглядом отца устремился следом за нашими гостями.

20

Мы втроём выбежали на двор практически одновременно. Я даже слегка задел Аркадия Петровича плечом, вписываясь в дверной проём.

На улице уже стемнело. Однако Антуан не упускал из виду маленькую юркую фигурку с куском курицы в зубах. Мы же не упускали из виду Антуана.

Котёнок отчаянно метался по двору. Видимо, он решил, что у него хотят отобрать его законную добычу. Впрочем, ведь поэт его именно за этим преследовал?

После тщетной попытки взлететь на крышу сарая Че больше не пробовал уйти от погони верхами. Всё-таки, для подобных трюков курица была тяжеловата. Не влезла добыча и под крыльцо бани.

Несмотря на то, что благодаря этим его манёврам мы сократили отрыв на несколько метров, поймать прыткого чебурика пока не удавалось.

Судя по доносящимся из-за спины крикам и тяжёлому топоту ног, к нашей охоте решили присоединиться и бояре. И правда, чего было оставаться в пиршественной зале, когда всё основное веселье переместилось на двор.

В очередной раз пробегая мимо дверей в палаты, я заметил батюшку. Он привалился к косяку и с благодушной улыбочкой наблюдал за нами. В его глазах горел азарт болельщика. Рядом с ним пристроился Абрам и тоже следил за беготнёй на дворе. Надеюсь, они не делают ставки? А если делают, на кого поставил батюшка, а на кого брат?

На очередном витке к нам присоединился Ницше. Он что-то весело вопил, внося ещё больший сумбур в нашу погоню.

Я уже порядком выдохся, когда по земле прошла ощутимая дрожь. Корпус летающего корабля запульсировал, расцветая огоньками.

– Что это? – я налетел на спину остановившегося Антуана.

– Напоминалочка моя сработала, – чуть отдышавшись, сообщил он.

Че, тоже притормозивший при внезапном землетрясении, моментально изменил направление своего бега. И уже через несколько мгновений он взлетел по опущенному трапу и скрылся из виду в недрах небесного драккара «Варяг».

– За ним! – проблеял Антуан и пошёл в отрыв.

Я не возражал. Подхватив под руку скившего от беготни Аркадия Петровича, я поспешил следом за окрылённым грядущей встречей с долгожданным питомцем протодиаконом.

Мы взобрались по трапу. Антуан тут же исчез из моего поля зрения, нырнув за небольшую дверь. Теперь я только иногда слышал приглушённое «кис-кис».

Поэт сел прямо на палубе, привалившись к борту и пытаясь отдышаться. Мимо меня прогарцевал Ницше, наставительно проговорив:

– В твоём возрасте, Аркадий Петрович, надо не за котятами бегать и вино хлестать, а переходить на травку и витаминки!

Поэт, похоже, был не в состоянии ему достойно ответить.

Корабль снова завибрировал, чуть не сбив меня с ног. Кроме всего прочего, из его недр послышался звук, напоминающий сирену.

Толпа бояр, всё ещё бегущая за нами остановилась в нерешительности. Мужики переглядывались, не понимая, что делать дальше.

Откуда-то сверху плавно прыгнула маленькая хрупкая фигурка. Я узнал свой детский охотничий костюмчик и вихрастую причёску. Вурдалачка, она же непонятная Альфа, чуть присела и оскалилась в сторону наших преследователей.

Бояре отпрянули в страхе. Кое-кто, кажется, даже сел.

– Липа, место! – скомандовал я.

Девчонка послушно проследовала на корабль.

Трап тут же поднялся. Драккар в очередной раз вздрогнул, чуть закрыв вид на опешивших бояр и приближавшегося к нам батюшку.

А потом земля стала проваливаться вниз. Плавно, но неумолимо.

Похоже, наше путешествие началось.

Небесный тихоход

1

Говорят, путешествие по морю выдерживают далеко не все. Многих начинает мутить при появлении первых мало-мальски крупных волн. А уж когда на море качка, и бушует ураган, бедолаги зеленеют до состояния огурца и избавляются не только от содержимого желудка, но и от самого этого, безусловно, полезного, внутреннего органа. И никакая морячка, уж будьте уверены, не спасёт. Это, кажется, называют морской болезнью.

В небесах никаких волн нет. Но есть ветер. Если на суше он то и дело утыкается во всякие неровности, рукотворные и нерукотворные, на море – в редкие острова и ещё более редкие, но обширные материки, то в небесах для него нет препятствий.

«Ветер, ветер – на всем божьем свете!» – так, кажется, писал какой-то древний поэт. Правда, у него там дальше было совсем не про ветер. Поэтому продолжение вспоминать не буду.

К счастью, наш летающий историко-архитектурный, по словам Антуана Пустопорожного, но от того не менее технологически современный корабль оборудован надёжной защитой. Благодаря силовому полю нас не беспокоил не только ветер, но и дождь.

Некоторое время назад мне уже посчастливилось полетать. Но в первый раз я совсем не ничего почувствовал. Потому как в транспортном судне, больше похожем на сарай, не было даже окошек. После я несколько раз путешествовал в багажном отсеке летающего катера, который для меня любезно освободил Шляпник, сыщик из Великого Тагила. Но приятными те полёты назвать было сложно. Я находился в весьма стеснённом, практически, сложенном, положении. И после особенно длительных перелётов долго не мог прийти в нормальное состояние. Так что нынешнее путешествие пока вызывало у меня исключительно положительные эмоции.

Кстати, размеры нашего транспортного средства не вполне соответствовали историческим. Как рассказал мне всё тот же Антуан, древний драккар представлял собой всего лишь утлую лодчонку, в которой гребцы противоположных бортов работали, практически соприкасаясь локтями. На нашей же посудине вполне можно было устраивать балы.

В недрах палубы помещались четыре комфортабельные каюты, душ, туалет, кухня, столовая и комната отдыха, которую Аркадий Петрович почему-то называл актовым залом. Правда, в отличие от дома Антуана в Небесной Москве, мебель нельзя было менять по собственному желанию. Её даже переставлять было нельзя. Она словно выросла в пол.

Разумеется, я занял одну из двух свободных кают. А вот Липунюшка, к моему удивлению, не поселилась в оставшейся. Она предпочла палубу. Вечно торчала у борта и вглядывалась вдаль. Вид у неё был, точно у кошки, что сидит у окна и бьёт хвостом, наблюдая за резвящимися за стеклом птичками. Пыталась залезать на мачту. Но, пару раз уткнувшись макушкой в силовое поле, перестала.

Этим её нежеланием сидеть внизу не преминул воспользоваться Ницше. Мой непарнокопытный приятель часами скакал на большой кровати, издавая восхищённые восклицания.

А начинался полёт весьма нервно. Пока Антуан Пустопорожный носился в подпалубном пространстве, мы с Аркадием Петровичем неуверенно переглядывались, наблюдая за странными манёврами, совершаемыми нашим транспортом.

Сначала корабль плавно поднялся на уровень самой высокой крыши, но потом вдруг резко взмыл под облака, заставив нас присесть. При этом наша палуба подхватила несколько ворон, не ожидавших нападения снизу. Видимо, защитное поле по какой-то причине оказалось отключено.

Появлению нежданной дичи очень обрадовалась Липа. Ей удалось расправиться с тремя птичками, прежде чем остальные осознали опасность и улетели.

– Вурдалапочка, – с укоризной в голосе обратился к девочке Ницше, – зачем ты так? Они к нам в гости упали, а ты их на зуб!

Липунюшка выплонула перья и изобразила зловещую улыбку. Потом взмыла на мачту, демонстративно балансируя на самой верхушке.

И чуть оттуда не свалилась на палубу, когда наш Варяг заложил неожиданный вираж. Мы с Аркадием Петровичем и осликом впечатались в борт. Корабль с креном уходил куда-то влево. К счастью, через некоторое время он выровнялся.

– Что вы тут творите? – из подпалубных недр вылез Антуан. Одной рукой он держался за голову, в другой, прижатый к груди, посверкивал глазами Че.

– Мы? – удивился я.

– Мы думали, что это ты курс сменил, – утирая разбитый нос, промямлил Аркадий Петрович. – Мы этой штукой при всём желании управлять не можем.

– М-да? – задумчиво проговорил протодиакон.

Потом отпустил котёнка (тот сразу вскарабкался наверх к Липе) и извлёк свою пипку. Потыкался в неё пальцами, почесал нос.

– Что-то я скрипальнул, – пробормотал он, продолжая ковыряться со своим прибором.

– Что он сделал? – не понял я и обратился к поэту.

– Это значит, перемудрил, – пояснил тот.

– Странное какое-то выражение, – хмыкнул я.

– Мы привыкли, – пожал плечами Аркадий Петрович. – Но этимология этого слова мне не известна.

Тем временем протодиакон, похоже, справился с управлением кораблём и удовлетворённо улыбнулся. Ветер тут же перестал трепать мои волосы. Как я догадался, это означало начало работы защитного поля, окружившего корабль.

– Что ж, пора перекусить! – довольно воскликнул Антуан. – Айда за мной вниз. Заодно покажу тебе, Иван, свободные каюты.

Я вскинул голову и поманил верхолазов:

– Кис-кис! Липа, обедать!

– Че! – воскликнул Ницше. – Прыгай вниз! А то всё вкусное съедят!

Котёнок и Альфийка прыгнули одновременно... И с визгом и выпученными глазами покатались вниз, отчаянно пытаясь затормозить. Бедолаги тщетно старались зацепиться когтями за невидимое препятствие. Однако защитное поле категорически отказывалось пускать их на палубу. Ещё немного, и оба любителя верхних этажей свалились бы за борт.

– Отключить поле! – заорал на Антуана я.

– Отключить поле! – заорал Антуан на свою пипку.

К удаче наших верхолазов голосовое управление на его приборе присутствовало.

– Поле отключено, – донёсся мужской голос.

Котёнок и девчонка шлёпнулись на палубу в считанных сантиметрах от борта. Антуан кинулся к своему долгожданному, но чуть было не потерянному питомцу, а мы с осликом – к Липунюшке. Че без возражений позволил взять себя на руки. Альфу же никто носить на руках не собирался. Мы всего лишь убедились, что с ней всё в порядке.

– А теперь включи обратно, – хриплым голосом потребовал Аркадий Петрович. – Здесь дует. Вот простудимся и будем на всех сверху чихать!

2

Скорость нашего перемещения, судя по всему, была не слишком велика. Пожалуй, Шляпник на своей Ямахе успел бы раз десять слетать от Москвы до Тридевятого царства и обратно, пока мы выплыли за пределы Московского ареала. То есть, зоны, над которой летает этот небесный город.

Проснувшись утром в своей комфортабельной каюте, я принял душ. А потом часа три наблюдал сверху за наземной жизнью, пристроившись недалеко от Липунюшки.

Хотя, какая уж там жизнь? Среди зарослей лесов было невозможно различить, что там, под пологом ветвей, творится. На реках и озёрах я тоже мало что интересного увидел. Ну, утки. Ну, лодка с рыбаком. Ну и что?

Правда, в одном месте я заметил остов какой-то огромной машины, торчащий из воды. Вот только далековато было.

Один раз миновали небольшое селение. Судя по муравьиной активности нервно снующих внизу жителей, появление над их головами летающего корабля произвело впечатление. Кто-то особо смелый пытался кинуть в нас что-то мелкое. Что именно – я не разглядел. Но это что-то упало на макушку пробегавшему мимо мужику с мешком. К сожалению, остановки здесь не было предусмотрено. Поэтому последовавший боксёрский поединок я не видел.

Наконец проснулись Аркадий Петрович и Антуан Пустопорожний. Вялеными рыбами выбрались на палубу, шураясь от яркого солнечного света. Немного поругались по поводу очередности похода в душ. Потом скрылись внизу.

Через некоторое время был готов завтрак. Мы подкрепились. А потом я снова скучал на палубе. Глядел на резвящихся Липу и Че. И снова скучал.

Солнце уже перевалило далеко за полдень, когда ко мне с торжественным видом подошёл Антуан Пустопорожний.

– Поздравляю, Иван! – протодиакон с улыбкой похлопал меня по плечу. – Ты впервые пересекаешь границу Московского ареала! И по древней воздушной традиции мы с Аркадием Петровичем имеем честь провести обряд посвящения!

– Какого ещё посвящения вам от меня надо? – я с недоверием отстранился, глядя на странно одетого Ароза Азорина, появившегося за спиной Антуана. Поэт был замотан в длинную простыню, голову венчал венок. Судя по характерному навязчивому аромату, напомнимшему уху, приготовленную Жанной, он был сплетён из лавровых листьев.

– Это древняя традиция, называется день Зефира, – пояснил протодиакон.

– Зефирки? – обрадовано воскликнул Ницше, выскочивший из-за спины Аркадия Петровича. – Я тоже впервые пересекаю границу и требую полагающихся мне зефирок!

Антуан опешил. Он явно имел в виду что-то другое.

– Зефир – это западный ветер, – стараясь сохранять торжественный и надменный вид, пояснил Аркадий Петрович.

– Что вы меня путаете? – возмутился ослик. – Западный ветер – это западный ветер. Ну, в крайнем случае, вост. А зефир – это сладкая вкусняшка.

Аркадий Петрович и Антуан Пустопорожний растерянно переглянулись. Кажется, посвящение пошло не по сценарию.

А ослик принялся вертеться вокруг, пытаясь мордой залезть им в карманы.

– Зефир – это из древнегреческой мифологии, – попытался образумить осла-сладкоежку Ароз Азорин, – сын Астрея и Эос и...

– А при чём тут древнегречи с их мифологией? – возмутился Ницше. – И вообще, кто такие древнегречи? Это они придумали зефирки?

Аркадий Петрович вздохнул и приготовился к долгой лекции, из которой мы с моим длинноухим приятелем почерпнули, что древнегреческая культура является праматерью всей европейской культуры. Что её влияние на европейские народы невозможно переоценить, а мифы Древней Греции легли в основу большинства сюжетов мировой литературы.

– Ну что, поняли? – поэт упёр руки в бока и посмотрел на нас с негодованием и укором.

Точно так же Жанна глядела на меня, когда я пытался что-нибудь утащить у неё с кухни во время готовки. Да ещё и немытыми руками!

– Зефирок не будет? – сделал заключение Ницше.

Ослик громко фыркнул и с обиженным, но гордым видом удалился на корму, к Липунышке и фиолетовому котёнку. А Ароз Азорин хлопнул себя по лбу и застонал. Потом отошёл к борту, привалился к нему и сполз на пол.

– Что он так расстроился? – спросил я Антуана.

Протодиакон сложил руки на груди.

– Вообще-то, это Аркадий Петрович придумал посвящение, – тихо сообщил он.

– Он что, такой древний, как эти греки? – удивился я. – Если это древняя традиция, а он её придумал, значит, он ещё древнее?

– Ты не так понял, – скривил губы Антуан. – Нет никакой традиции.

– Как так? А ради чего тогда надо было лаврушку портить? – я кивнул на приунывшего поэта. – Она в умелых руках чудеса творит!

– Откровенно говоря, – Антуан подошёл к Аркадию Петровичу и отщипнул листик от венка, венчавшего седую голову приятеля, – есть похожая традиция, только морская. При первом пересечении экватора бывалые мореходы, ещё их величают морскими волками, устраивают посвящение новичкам. Это так называемый день Нептуна.

– А это ещё кто? – нахмурился я.

– Это бог моря в древнегреческой мифологии, – буркнул Ароз Азорин.

– Чтобы развеселить тебя и внести разнообразие в наше длинное путешествие, Аркадий придумал что-то аналогичное морскому дню Нептуна, – пояснил протодиакон. – Разумеется, его надо было назвать как-то по воздушному.

– А тут Ницше со своими зефирками влез! – раздражённо вставил поэт и пятернёй взъерошил свою седую шевелюру.

Я хмыкнул.

– Спасибо, конечно, за попытку, – сказал я, повернувшись к Аркадию Петровичу. – Но я, признаться, уже в скандинавской мифологии успел запутаться. А тут ещё, видите ли, древнегреческая! – Я всплеснул руками. – Вы мне сначала про этих ваших Одинов с Мимирами расскажите, раз уж мы на север собрались. А про Нептуна давайте потом, когда в Грецию полетим.

Антуан и Аркадий Петрович переглянулись.

– А Иван прав, – кивнул поэт. – Надо ему ликбез по скандинавскому эпосу устроить.

– Вот ты и устраивай. Всё равно ты больше меня вопрос изучал, – протодиакон хмыкнул и пошёл на корму, где сидели Липа и Че.

По его виду было ясно, что у него в голове родился новый проект. И следующее его документальное путешествие будет как раз в Грецию.

Поэт же поманил меня за собой. Мы устроились на носу, вблизи так поразившей меня своей реалистичностью головы дракона.

– Ну, слушай, – начал Аркадий Петрович. – В начале была чёрная бездна Гиннунгагап.

3

Ну и психи, доложу я вам, были эти скандинавские боги! А ещё асы, называется! Один Один, простите за тафтологию, чего стоит. Мало того, что вырвал себе глаз ради того, чтобы беседовать с говорящей головой предка своего Мимира, которого сам же и грохнул, сотворив из его останков нашу грешную землю, именуемую Мидгардом. Мало того, что пригвоздил себя своим собственным копьём к многострадальному мировому ясеню, дабы постичь какую-то там мудрость. Так он ещё и коварного Локи в семью принял! Несмотря на ту самую мудрость, из-за которой Один висел девять дней, точно засушенная бабочка в коллекции полоумного энтомолога.

А ведь именно из-за этого вредного потомка великанов йотунов и случились практически все неприятности асов. Локи и красавчика Бальдра грохнул извращённым способом, подставив при этом слепого Хёда. Он же породил кучу всяких чудищ. Причём некоторых из них собственно... хм... Как же это назвать? Собственноутробно, что ли?

Нет, нельзя забывать, что и полезного он тоже много сделал. Например, коняжка-осьминожка Слейпнир, на котором позже катался сам Один. Это ведь как раз его Локи родил после того, как они с асами обдурили бедного великана-прораба, что подрядился построить им стену для Асгарда. Собственно, благодаря этому обманщику асы получили своё хитрое оружие – молоток Тора, копье и защитное колечко Одина, а ещё сверхскоростную свинью Фрейра. Но этот персонаж, Фрейр, не ас, а тоже приبلудный, как и Локи. Только он не имеет отношения к йотунам.

Именно Локи породил Хель, Фенрира и Йормунганда. Эта троица в Рагнарёк нанесла наибольший урон воинству асов, расправившись с Одином и Тором. А синяя Хель (интересно, почему именно синяя?) – вообще главнокомандующий всех враждебных сил.

Асы, конечно, сами во многом виноваты. Слишком часто зарились на халяву – то одного обманут, то другого. Уж они-то, с их могуществом, вполне могли поступать несколько благороднее. Но ведь нет! Это же так весело, обмануть ближнего или дальнего!

Короче, из всего рассказа Аркадия Петровича я сделал для себя вывод, что персонажи скандинавского эпоса – ребята со своими тараканами, но, в принципе, весьма интересные. Лично мне из асов больше всех импонировал Тор – пожалуй, из-за простоты имени. По той же причине я искренне возненавидел Йормунганда, Свадильфари и почему-то Иггдрасиль. А ещё мне понравился народ ванов. То ли из-за их тяги к земледелию, то ли от сходства их названия с моим именем. Вообще, асы и ваны в плане имён молодцы. Они у этих ребят короткие и звучные, как команды Степана. Правда, это не помогло мне их всех запомнить. Уж слишком их оказалось много.

А вот с географическими названиями у этих северян просто беда. Вот лично я бы поостерёлся ходить в места с названием Муспельхейм, Хвельгельмир, Бильскирнир, Свартальвхейм или Льесальвхейм. Потому как попросту не смог бы выговорить эти названия и спросить дорогу у прохожих цвергов или йотунов.

Кстати, последние два меня заинтересовали всвязи с их отношением к племени альвов. Догадайтесь, что мне это название напомнило? Точно. Именно так, ну, или почти так Яга назвала девочку. А ещё всплыло в памяти упоминание поросёнка по имени Эльф. Странное имя для свиньи.

Аркадий Петрович рассказывал мне о том, как Тор путешествовал по земле на своей бронзовой колеснице, запряжённой двумя козлами, которым с именами, в отличие от хозяина, не повезло, когда наш корабль легонько трянуло.

– Воздушная яма? – поэт клацнул зубами и огляделся. – А это ещё кто?

Я проследил за его взглядом. По левому борту к нам приближались несколько странных посуды, отдалённо напоминавших большие пивные бочки. Только у этих снизу что-то светилось, а посередине располагалась довольно толстая труба.

И вот из такой трубы вдруг вырвался язык пламени, что-то грохнуло, где-то свистнуло, и наш транспорт снова тряхнуло.

– Антоха! – закричал Аркадий Петрович. – Нападение!

Странно, но Антуан подошёл к нам неспешным шагом.

– Это что ещё за чудики? – хмыкнул он, поглядывая из-под руки на летающие бочонки. – Стреляют, похоже, порохowymi зарядами.

– Они смогут нам навредить? – спросил я.

– Вряд ли, – протянул протодиакон.

После очередного выстрела нас снова тряхнуло. Аркадий Петрович с беспокойством поглядел на приятеля, привалившегося к борту:

– А если защитное поле повредят? – спросил он. – Проверь, в каком оно состоянии.

Антуан пожал плечами и достал свою пипку.

– Всего на два процента просело, – сообщил он. – У них на нас снарядов не хватит.

– А если они каким особым шмальнут? – не успокаивался поэт. – Бронебойным каким-нибудь. Так ничего и не будешь делать?

– А что ты от меня хочешь? – всё так же флегматично поинтересовался Антуан. – Дальнобойного оружия у нас всё равно нет. Мы же не военное судно.

Я с интересом вслушивался в их диалог, не отрывая взгляда от нападавших. Бочонки тем временем приблизились на расстояние около десяти-пятнадцати метров. Теперь было ясно, что они словно разрезаны на неравные части. Нижняя постоянно пребывала в движении, вращаясь вокруг своей оси. Верхняя, на которой располагалась труба, точнее, пушка, была недвижима. Бочонки крутились по обе стороны от нашего драккара, постепенно сближаясь с нами. Я насчитал пять по левому борту и семь – по правому.

– Не переживай, – протодиакон успокаивающе похлопал поэта по плечу. – Если перекроют курс, я им устрою Муспельхейм.

– Сурта позовёшь? – блеснул я познаниями в скандинавской мифологии.

Если кто не в курсе, Сурт – правитель Муспельхельма, мира огненных великанов. Аркадий Петрович улыбнулся, гордый своим учеником.

– Обойдёмся без него, – криво улыбнулся Антуан. – Он слишком много берёт за свои услуги.

Крышки летающих бочек внезапно отворились, откинувшись на сторону. Из отверстий показались взлохмаченные головы. Все, как одна бородатые и рыжие. Вслед за головами высунулись руки, раскручивая верёвки с крюками.

– На abordаж! – услышал я дружный хриплый крик.

Верёвки взмыли, устремившись к нашим бортам. И тут же нападавшие издали возглас разочарования. Крюки так и не коснулись бортов, закрытых от внешнего воздействия защитным полем.

– Я же говорил, – хохотнул Антуан, – ничего они нам не смогут сделать!

Нападавшие пока не осознали тщетности своих попыток и продолжали кидать abordажные крюки. Потом один из них, видимо, главный, погрозил нам кулаком и махнул своим подельникам, указывая вперёд, прямо по нашему курсу.

– Эти самоубийцы нас что, решили остановить своими жалкими тушками? – воскликнул Антуан. – Ну, ладно, сами напросились!

Пара бочонков тем временем приблизились вплотную по правому боку и принялись стучаться в борт, видимо, пытаясь сбить нас с курса.

– Ну, держитесь! – со зловещей улыбочкой пропел протодиакон, продолжая тыкать пальцами в экран своей пипки.

Голова дракона, украшавшая нос нашего судна, вдруг пришла в движение. Глаза полыхнули красным. Шея изогнулась, и струя пламени, вырвавшаяся из зловещей зубастой пасти, объела разом оба летающих бочонка, чуть опалив борт самого корабля. Ярko полыхая, пара огненных шаров неумолимо устремилась вниз, в расстилавшийся под нами ковёр леса.

– Да ну нафиг! – услышал я вопль одной из оставшихся рыжих голов.

Сначала одно, а за ним и все остальные летательные средства ушли в сторону, прочь из опасной зоны.

4

- И что это было? – к нам подскочил Ницше.
- Похоже, в воздушном пространстве Нового Петербурга появились пираты, – произнёс Аркадий Петрович, взъерошив седые волосы.
- Путешествие перестаёт быть томным! – радостно констатировал ослик.
- Путешествие перестаёт быть безопасным! – не согласился поэт.
- Да что вы переживаете? – Антуан сегодня был невозмутим. – Всё равно с нами ничего не случится. Зато репортаж интереснее будет! Сейчас всё повыгружается, и лайки попрут!
- Лайки? – удивился я. – При чём тут собаки?
- Какие собаки? – не понял протодиакон.
- Ты же сам сказал, лайки. Это собаки такие.
- Аркадий Петрович фыркнул.
- Это Антоша про своих подписчиков опять.
- Странное у него отношение к своим подписчикам, – задумчиво проговорил я. – То свиньями их обзывает, то собаками.
- Поэт никак не отреагировал на моё замечание. Он в задумчивости сделал несколько шагов вдоль борта, потом вернулся.
- А не посетить ли нам Новый Петербург? – выговорил он, наконец.
- Шесть глаз тут же уставились на него.
- Уверен? – с сомнением спросил Антуан. – Не будет у тебя проблем с местной администрацией?
- Да там про меня все уже забыли давно, – отмахнулся Аркадий Петрович. – Зато мы узнаем, что происходит. Как они допустили появление пиратов? Раньше такое было просто уму не постижимо. Вот ты, – он повернулся к Антуану, – можешь вообразить, чтобы в Московском ареале воздушные пираты на людей нападали?
- Протодиакон отрицательно помотал головой.
- А чего они от нас хотели? – спросил Ницше.
- Как обычно, – пожал плечами Антуан, – кошелек или жизнь. Йо-хо-хо, все дела.
- Так что же вы, отказались от их кошелька? – удивился ослик.
- Протодиакон хохотнул, а Аркадий Петрович пояснил:
- Они наши кошельки хотели. А заодно и жизни. Захватили бы судно, а нас за борт выкинули. Не знаю, как ты, а я летать пока не научился.
- Вот гады! – воскликнул Ницше. – И куда только местные власти смотрят?
- Вот это я и хотел бы узнать, – кивнул поэт.
- Что-то мелодично звякнуло. Антуан тут же оживился.
- Что там? – спросил его Аркадий Петрович.
- Сеть появилась, – с улыбкой ответил протодиакон. – Попёрло загружаться, – он уставился в экран, напрочь забыв о нас.
- Маньяк, – хмыкнул поэт. – Теперь его за уши не оттянешь. А нам бы сейчас пеленг на Питер взять. Вот что, – Ароз Азорин потянул меня за рукав, – пойдём до главного пульта.
- Я, признаться, удивился. Мне казалось, что управление кораблём осуществляется исключительно индивидуальным прибором руководителя проекта.
- Ты что, в самом деле, думал, что Варяг управляется с Антохиной пипки? – прочитал мои мысли Аркадий Петрович. – Не спорю, дистанционное управление – штука удобная. Но с прибором вполне может что-то случиться. Поэтому основной пульт управления находится внизу.
- Но где? – удивлённо спросил я. – Я же видел все комнаты... то есть, каюты.

– Безопасность, – развёл руками поэт.

Мы прошли мимо дверей кают и вошли в душ. Конкретнее – в самую душевую кабину. Вот прямо так, в грязной обуви.

– Зачем мы сюда забрались? – пытаюсь сильно не прижиматься к Аркадию Петровичу, спросил я. Сделать это в кабинке, предназначенной для индивидуального использования, было совсем не просто.

Вместо ответа поэт схватился за лейку душа, встроенную в крышку кабины и повернул её по часовой стрелке. Не успев удивиться его странному поведению, я удивился ещё больше. Кабинка дёрнулась, желудок подскочил к горлу, и интерес сменился.

Теперь мы находились в помещении чуть больше душевой комнаты. Перед большим, вогнутым в сторону оператора монитором стояло мягкое массивное кресло чёрной кожи. Экран был таким же тёмным, как и кресло.

– Хеймдаль, – произнёс Аркадий Петрович, усаживаясь перед монитором. – Вывести карту.

Экран тут же засветился. На нём появилась сплошь зелёная картинка, кое-где пересекаемая синими неровными линиями.

– Добро пожаловать к штурвалу, – донёсся бархатный мужской баритон. – Молодой человек имеет право здесь находиться?

– Ванька? Да, конечно, – поэт положил руку на стол перед монитором.

– Предоставить ему полномочия?

– Да. Третий уровень, – ответил Аркадий Петрович.

– Полномочия предоставлены.

– А что такое эти полномочия? – поинтересовался я.

– Третий уровень подразумевает, что ты сможешь вести наблюдение и, в случае подтверждения от меня или Антохи, управлять кораблём.

Я подошёл поближе и встал рядом с креслом.

– Хеймдаль это страж моста между мирами? – припомнил я.

– Да, – кивнул поэт. – Биврёст. Радужный мост. А у нас дядюшка Хеймдаль отвечает за безопасность и контроль судна.

– Искусственный интеллект? – решил поумничать я.

– Осмелюсь заметить, пятого поколения, – уточнил Хеймдаль.

– В самом деле? – надеюсь, в моём голосе не прозвучало разочарование. Ангелина, помнится, говорила, что она – седьмого поколения.

– Хо-хо, пеленг на Новый Петербург, – скомандовал Аркадий Петрович.

– Это они с Антуаном так ласково меня называют, – чуть ли не промурлыкал мне в ухо баритон.

– Просто, Хеймдаль иногда сложно выговаривать, – объяснил поэт. – Один-два раза ещё терпимо, а потом язык сворачивается. Надо было лучше Тором назвать.

– А что, – улыбнулся я, – мне нравится имя Хо-хо. По-домашнему.

– Точно, – поддержал меня ИИ. – А имя Тор какое-то уж чересчур резкое. Вроде клички сторожевого пса. Тор, фас! – рявкнул он. И тут же мягко добавил: – Пеленг на Новый Петербург получен.

Цвет картинки на экране сменился на голубой. По краям, впрочем, эта голубизна была обрамлена зелёным, а сверху и слева – зелёным с голубыми чёрточками.

– Это море? – предположил я.

– Всего лишь Рыбинское водохранилище, – ответил дядюшка Хо-хо. Не скрою, мне понравилось именно так его называть.

– А голубые чёрточки – болота? – предположил я.

– Да, здесь их много, – ответил Хеймдаль.

На мониторе, прямо посреди голубого, появилась жирная красная точка.

– А вот и Питер, – удовлетворённо произнёс Аркадий Петрович. – Меняем курс.

– Нужно подтверждение Антуана, – непререкаемым тоном заявил дядюшка Хо-хо.

– Ну, так спроси его сам, – пожал плечами поэт.

На какое-то время воцарилось молчание. А потом Хеймдаль восхищённо присвистнул и произнёс:

– Локи в боки! Уже полторы тысячи лайков! Похоже, мы знамениты!

5

В посадочном ангаре нас встречали толпы фанатов. Наряженные в северных героев, размалёванные и вооружённые надувными топорами и мечами, они рукоплесканием приветствовали Аркадия Петровича и Антуана Пустопорожного, сошедших с трапа.

Вперёд вышел крупный мужчина лет сорока в синем пиджаке поверх серой футболки и с букетом красных цветов. Он выделялся среди разноцветной публики, точно сорока среди попугаев.

– Мы рады приветствовать героев-путешественников из древней Москвы на территории Нового Петербурга, – торжественно провозгласил он.

– Спасибо, – поблагодарил Антуан. – С кем имеем честь?

Мужчина приосанился.

– Дионисий Альбертович Длинноперстов, председатель совета культуры и информации.

– Милейший, – обратился к нему Аркадий Петрович. – Вот скажите мне, как человек, заведующий информацией, что за ерунда происходит в вашем ареале?

– В каком смысле? – опешило официальное лицо.

– В паре часов лёта отсюда нас атаковали пираты.

– Пираты? – удивился Дионисий Альбертович.

– Ну, если у вас те лохматые и бородатые ребята на летающих бочонках, что вы могли наблюдать в нашем блоге, зовутся как-то иначе, прошу мне об этом сообщить, – поэт сложил руки на груди и вперился взглядом в лицо чиновника.

Тот отчего-то замялся, даже покраснел слегка.

– Я думал, это часть шоу, – промямлил он.

– Шоу?! – закричал Антуан. – У нас до-ку-мен-таль-но-е путешествие! Всё по-настоящему! Никаких актёров! Никаких спецэффектов!

Толпа вокруг зашевелилась, загудела. Дионисий взял себя в руки и, привлекая внимание публики, практически проорал:

– К нашему глубочайшему сожалению, на наших гостей было совершено нападение. В связи с этим нам необходимо пройти в мой кабинет для инициации последующих мероприятий.

Наши фанаты было заволновались, но тут на арену вышел, даже выскочил, Ницше.

– Ни хвоста себе! – восхищённо воскликнул он, покидая недра нашего судна. – Сколько народу нас встречает! А ну, кому автограф копытом поставить?

Он тут же привлёк к себе внимание публики, начал болтать несусветную чушь, рассказывая небылицы о жизни в таинственном тридевятом царстве.

Я же поспешил за своими спутниками, сочтя, что с ними я буду нужнее.

Пока я догонял успешную выбраться из толпы троицу, обратил внимание на то, что ангар Нового Петербурга, в отличие от Московского, разделён на несколько изолированных зон. В одной, куда причалил и наш корабль, располагались пассажирские суда различного габарита и вида. Разумеется, ничего похожего на наш транспорт, не было и в помине. Так что в этом вопросе мы всех уделали.

Вдали виднелся вход в грузовой отсек. А недалеко от лифта, к которому мы и шли, можно было заметить территорию, занятую, судя по всему, VIP-машинами. И охрана около неё стояла серьёзная на вид – пять киборгов модификации КО-36. Не знаю, что это обозначает. Надо будет потом у кого-нибудь поинтересоваться.

Лифт вынес нас не в холл, как в Москве, а в некое подобие гардероба. В том смысле, что вдоль стен стояли шкафы. К одному из них и подошёл Дионисий Альбертович. Распахнул створку и с гордостью сообщил спутникам:

– Телепорт прямо в муниципалитет. У вас в Москве такого ещё нет.

– Это безопасно? – усомнился Антуан.

– Абсолютно, – чиновник подмигнул ему и перед тем, как шагнуть внутрь, велел:– Когда загорится зелёный свет, можете заходить. Только по одному, – и исчез за дверью.

Над входом в шкаф загорелась красная лампа. Через несколько секунд она благополучно сменила свой цвет на обещанный зелёный. Мы переглянулись.

– Кто первый? – спросил Аркадий Петрович.

– Может, спичку потянем? – предложил Антуан.

Я не понял их сомнений и, пожав плечами, смело шагнул в шкаф.

Вокруг потемнело. В глазах, однако, завертелись цветные круги.

– Открывайте уже! – донеслось из-за двери.

Я послушно распахнул створку и, шагнув наружу, оказался в просторном кабинете, обставленном резной мебелью. На стенах висели картины. У стен – постаменты с бюстами и прочими скульптурами. Над хозяйским, судя по восседавшему за ним Дионисием Альбертовичем, столом – портрет курчавого черноволосого человека в сюртуке.

– Подвинься, молодёжь, – появившийся из шкафа Аркадий Петрович чуть отстранил меня в сторону и уверенным шагом направился к хозяину кабинета.

– Представьте мне молодого человека, – попросил Дионисий Альбертович.

– Иван, наследный царевич Тридевятого царства, – махнул в мою сторону поэт, ни на секунду не прекращая своего шествия.

– Проходи, царевич, садись, – любезно предложил чиновник.

Из шкафа появился Антуан Пустопорожный. Со скептической улыбкой оглядел интерьер и неспешным шагом двинулся к столу.

– Так что мы будем делать по поводу пиратов? – с ходу взял быка за рога Аркадий Петрович.

– Сейчас инициируем мероприятия, – Дионисий Альбертович провёл рукой над столом.

6

Перед нами развернулся полупрозрачный экран. На нём появился странный логотип, на котором большая черепаха попирала задней левой ластой маленького ушастого зайца, с ещё более странной надписью ЗЫ.

– Это ещё что такое? – удивился поэт.

– Программа, с помощью которой мы руководим городом. Сначала, как говорят, была платформа 1С, потом её заменили на 2Г. Но это было ещё то Г. И вот ему на смену пришла ЗЫ. Идеальный инструмент для управленческих задач, – хозяин кабинета в восхищении причмокнул губами и с жутко умным видом уставился в монитор. – Сейчас я спущу подчинённым задание на разработку мероприятий по поиску и искоренению пиратов в... Где это с вами произошло?

Он провёл пальцем по краю экрана, и на нём появилась карта Питерского ареала. Антуан потёр нос, подумал и обвёл зону, где, как ему показалось, на нас было совершено нападение.

– Опять ярославские шалят, – сквозь зубы проговорил чиновник.

– И давно шалят? – Аркадий Петрович испытующе глянул на него. – Делать что-нибудь будем?

– Сейчас, – Дионисий Альбертович пошуровал пальцами по экрану и удовлетворённо откинулся в кресле. – Всё.

– Что, всё? – мы недоуменно посмотрели на него.

– Задача отправлена. Теперь Кира или Орфей разработают мероприятия – я им сроку час дал. А пока мы ждём, – чиновник отъехал на кресле к стене и просунул руку прямо сквозь картину с большой дамой с чашкой в руке, – предлагаю слегка отметить знакомство.

Когда его длань вновь предстала пред нашими очами, в ней была зажата пузатая бутылка с жёлтой жидкостью. Антуан потёр руки в предвкушении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.